

Ученые записки

**ВОПРОСЫ КРИТИКИ
БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИКИ
И
ИДЕОЛОГИИ**

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра научного коммунизма

Ученые записки
Латвийского государственного университета
имени Петра Стучки
том 200

В О П Р О С Ы К Р И Т И К И
Б У Р Ж У А З Н О Й П О Л И Т И К И И И Д Е О Л О Г И И

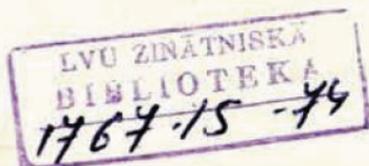
Редакционно-издательский отдел ЛГУ им. Петра Стучки
Рига 1974

Сборник "Вопросы критики буржуазной политики и идеологии" посвящен актуальным проблемам современной идеологической борьбы.

Так как сборник рассчитан на читателей, специализирующихся по данной проблематике, то в большинстве статей анализируются такие аспекты вопросов критики современной буржуазной политики и идеологии, которые еще мало освещены в советской научной литературе. Авторы дают критику взглядов буржуазных теоретиков на основе анализе их книг и статей в зарубежной периодической печати. Обилие материала и малая разработанность этих вопросов в какой-то мере осложнили работу авторского коллектива. Ряд вопросов в статьях только затронуты, они требуют дальнейшего анализа. Работа в этом направлении будет продолжена.

© Редакционно-издательский отдел ЛГУ им.П.Стучки, 1974 г.

В 0-I-5-5-059y 405-73
М 812(II)-74

КОМУ СЛУЖИТ "РЕЛИГИОЗНАЯ ВОЙНА" В ОЛЬСТЕРЕ

Казалось бы, что эра "религиозных войн" является делом далекого прошлого, что современная социальная борьба не нуждается в религиозном прикрытии. И несмотря на это, настоящая борьба широких масс Северной Ирландии за свои демократические права - борьба, которая привлекает внимание прогрессивной общественности всего мира, характеризуется в буржуазной прессе как борьба "католиков" против "протестантов".

Религиозное деление действительно имеет отношение к этой борьбе, и силы, вовлеченные в конфликт, зачастую выступают как приверженцы разных вероисповеданий. Объяснение этому следует искать в истории англо-ирландских отношений, в том факте, что в Ирландии экономическое и политическое порабощение совпадало с порабощением национальным и тесно переплеталось с религиозной дискриминацией.

Но переплетение этих факторов - не просто случайный плод развития истории - оно является результатом целенаправленной и сознательной политики правящих классов Англии по использованию религиозных предрассудков в империалистической тактике "разделяй и властвуй". Вся история порабощения Ирландии - это характерный пример воплощения в жизнь этого принципа. Разжигание религиозной вражды играло отнюдь не последнюю роль в реализации этого принципа.

К.Маркс, который пристально следил за событиями в Ирландии и поддерживал справедливую борьбу Ирландского народа против английских работодателей, говоря об антогонизме между рабочими классами Ирландии и Англии, отметил, что "этот антагонизм искусственно поддерживается и разжигается прессой, церковными проповедями, эмористическими журналами, короче говоря, всеми средствами, которыми рас-

полагают господствующие классы" /1/.

Ирландия - одно из первых и одно из последних колониальных владений Англии. Покорение Ирландии Англией началось уже в XII в. - еще задолго до буржуазной революции в Англии и до колониальной экспансии Англии в XVII и XVIII в.в. Но лишь в XVII столетии одновременно с буржуазной революцией в Англии Ирландия была окончательно закабалена. Буржуазная революция в Англии, как известно, проходила под знаменем религиозной войны и в результате ее на смену католицизму пришел протестантизм в форме государственных англиканской (в самой Англии) и пресвитерианской (в Шотландии) церквей, помимо некоторых других "свободных" сект.

В результате реформации и буржуазной революции католицизм в Англии был полностью разгромлен и на протяжении длительного периода формально не существовал. Оставшиеся отдельные приверженцы католицизма преследовались за свои взгляды как за государственную измену.

Иначе дела обстояли в покоренной Ирландии. Тут католицизм остался массовой религией коренного населения - ирландцев, которые подвергались экономическому, политическому и национальному гнету со стороны английских ленд-лордов-протестантов. Для подкрепления своей власти английские порабощители стали расселять на территории Ирландии - особенно ее северной части - протестантских безземельных крестьян из Англии и Шотландии. В самой Англии по мере развития капиталистических общественных отношений и проникновения капиталистического способа производства в сельское хозяйство в результате, так называемого, "огораживания земли" многие крестьяне лишились земли и вливались в слой т.н. "народных низов". Эти крестьяне сами, будучи жертвами развивающегося капитализма, стали инструментом в руках господствующих классов для реализации империалистической политики в Ирландии. Коренные жители Ирландии, которых новопришельцы сгоняли с земли, не

восстаниями, которые жестоко подавлялись. Одно из последних крупнейших восстаний такого рода было подавлено в 1690 году в битве под Бонне армией, состоящей из протестантских свободных крестьян и английских экспедиционных войск под командованием Вильгельма Оранского.

Закрепившись таким образом в Ирландии, британские колонизаторы прибегли к сознательной религиозной дискриминации коренного населения как средства удержания власти. Целой серией законов католики были лишены всех основных политических и гражданских прав. Только начиная с 1793 года католики могли принимать участие в выборах и быть избранными в парламент. Но в случае избрания они должны были давать специальную клятву, в которой толицизм изображался как "предрассудок" и "идолопоклонничество". Католики должны были платить церковную десятину в пользу протестантской (англиканской) церкви.

В 1830 году в Ирландии была создана система начального образования исключительно на английском языке и выдержанная в протестантском духе, хотя формально считалась нейтральной по отношению к деноминациям. В 1859 году в Дублине был основан известный Тринити колледж — протестантское высшее учебное заведение. Таким образом была создана система образования, которая "дала в руки протестантскому правительству власть над образованием католического населения"/2/.

Католическая церковь в Ирландии часто выражала недовольство некоторыми аспектами английского господства — и в первую очередь — дискриминацией коренного населения в правовом, образовательном и религиозном отношениях. Однако в оценке самого существенного — экономического порабощения — она оставалась "нейтральной" или, как выражается буржуазный историк, "по аграрному вопросу мнения епископов расходились и их требования следовательно были соответственно туманно сформулированы"/3/. Такой позицией католическая церковь по существу: с одной стороны — гра-

жигала религиозную рознь, а с другой - освящала существующий гнет.

Таким образом, благодаря деятельности обоих - как протестантских, так и католических церквей - в сознании народа прочно укоренились представления, связывающие "католицизм" с интересами коренных жителей Ирландии, а "протестантство" с интересами пришельцев.

Такая идентификация только первоначально была обоснована и то лишь частично. На самом деле протестантские новопоселившиеся крестьяне также как и католики подвергались эксплуатации со стороны лендлордов. Общие интересы борьбы против лендлордизма не раз делали католических и протестантских крестьян союзниками. Так, например, прогрессивное революционное движение "Объединенные Ирландцы", начавшееся в 90-е годы 18 в., которое явилось родоначальником революционных и народно-освободительных организаций в Ирландии, объединяло в своих рядах как католиков, так и протестантов. Среди ее руководителей, например, были протестанты Вольфтон, Эммет и др.

Освободительная борьба ирландцев конца прошлого и начала нынешнего столетия, известная как борьба за "гомруль" (самоуправление в рамках Британской империи) также вовлекала как католиков, так и протестантов. Среди руководителей выдвинулись протестанты Ч.С.Парнелл и Дж.Г.Биггер. Надо отметить еще, что протестанты в основном сосредотачивались в шести северных провинциях Ирландии (издавна называемых Ольстером), а в выборах 1885 года из 17 депутатов Ольстера 16 были избраны по платформе гомруля. Это означало, что население Ольстера - как протестанты, так и католики - поддерживало идею независимости Ирландии.

Однако, для британского империализма Ирландия всегда являлась особенно лакомым кусочком. Как отмечал К.Маркс: "интересы английской буржуазии тесно связаны с интересами аристократии в Ирландии"/4/. И поэтому англий-

ские правящие классы всеми силами пытались подавить революционное настроение масс, расчленив народно-освободительное движение. Учитывая специфическую религиозную ситуацию в Ирландии, разжигание религиозной вражды послужило отнюдь не последним средством для достижения этой цели. Причем характерно, что разжигание религиозной вражды с самого начала было тесно связано с использованием насилия и массовых репрессий. Характерным плодом союза религиозного фанатизма и насилия является орден Оранжевистов, который играл и играет особо коварную роль в североирландском конфликте.

Орден Оранжевистов был основан в 1785 году как протестантское военизированное секретное общество для травли католиков, как орден воинствующих колонизаторов. В состав его первоначально вошли как английские крупные помещики — лендлорды, так и часть протестантских крестьян. Орден был назван в честь Вильгельма Оранского возможно потому, что с его именем связана, так называемая, "славная революция", которой завершилась буржуазная революция и реформация в Англии, а, возможно, с признанием его роли в подавлении упомянутого восстания католических крестьян в 1690 году. Члены ордена набирались исключительно из протестантов. Вступающие должны были давать клятву в том, что они никогда не были связаны с католицизмом и папством.

Ныне орден Оранжевистов является главной опорой всех реакционных сил Северной Ирландии и его деятельность проявляется в двух формах. Во-первых, — это скрытое руководство экстремистскими политическими и религиозными организациями — такими как, например, политическая партия юнионистов, "Евангелическое протестантское общество", "Оранжевый голос свободы" и др. Во-вторых, — это организация "патристических" и "пышных" манифестаций (оранжевые флаги, значки, портреты Вильгельма Оранского и др.), рассчитанных на провоцирование католического населения.

В разжигании религиозной нетерпимости оранжевисты всегда опирались на деятельность экстремистских протес -

тантских проповедников. В истории Северной Ирландии можно говорить о целой плеяде протестантских проповедников-подстрекателей религиозного фанатизма, организаторов погромов католического населения.

Одними из первых проповедников такого толка в XIX веке были Генри Кук и Хью Ханна. Памятник Ханне — пресвитерианскому проповеднику по сей день стоит в центре Бел-фаста на Карлайл Серкус. В 50-е годы прошлого столетия Ханна начал произносить проповеди прямо на улицах Белфаста, избрав такие темы, которые давали возможность оскорблять религиозные чувства католиков. Таким образом ему не раз удавалось спровоцировать столкновения католиков и протестантов. Что подобные явления не просто проявления индивидуальных предрассудков отдельных проповедников и не побуждены одними религиозными чувствами, явствует из тесного союза Ханны и других проповедников с орденом Оранжевистов и реакционными политиками.

В частности, следует рассказать об одном ярком примере использования религиозной вражды в политических целях из жизни видного политического деятеля Англии лорда Рандольфа Черчилля (отца Уинстона Черчилля). В 1886 году правительство Солсбери, членом которого был и Рандольф Черчилль, пало, и на смену ему к власти пришла партия либералов во главе с Гладстоном. Сразу же после прихода к власти Гладстон объявил о намерении своего правительства представить "гомруль" Ирландии. В это время Рандольф Черчилль в частном письме писал: "Некоторое время тому назад мне стало ясно, что, если Гладстон решится дать "гомруль", то мне придется выиграть оранжевую карту. Я молю бога, чтобы она оказалась козырным тузом, а не двойкой"⁵, р. 119/.

"Оранжевая карта" Рандольфа Черчилля, которую он намеревался бросить в политическую игру, была ничем иным, как подстрекательской деятельностью ордена Оранжевистов.

Черчилль направился в Белфаст и в сообществе с Ханной выступил с речью перед оранжевистами с прямым призывом

начать погром католиков. Он обвинил Гладстока в том, что тот собирает "вонзить нож в само сердце Британской империи" и заявил: "Наступило время показать, что все те церемонии и формы, которые вы практикуете в оранжевых ложах, являются настоящими символами, а не просто пустым звуком" /5, р. 123/. Тотчас же после подстрекательской речи Черчилля, которая была рассчитана на чувства религиозного фанатизма, культивируемого протестантскими проповедниками, начались крупные погромы католического населения.

В результате мятежа, который порой принимал форму гражданской войны, только одних полицейских было ранено 371 человек. Но с точки зрения консерваторов "оранжевая карта" оказалась козырным тузом: правительство Гладстока пало, и Солсбери составил новое правительство, в котором Рен-дольф Черчилль получил портфель министра финансов.

При помощи подобных методов английскому империализму удалось удержать власть над Ирландией еще на длительное время. В результате подъема национально-освободительного и антиимпериалистического движения 1919-1921 годов правящие классы Англии наконец-то были вынуждены выполнить требования гомруля для Ирландии, но тут опять-таки религиозный вопрос дал возможность им сделать это в духе "разделяй и властвуй".

Ирландия была искусственно разделена на две части - южная, сельскохозяйственная часть получила независимость (Ирландское свободное государство), а шесть северных графств с развитой промышленностью (Ольстер) были включены в состав Великобритании. Полное название Великобритании стало - Объединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

Поводом для такого разделения послужило то, что подавляющее большинство протестантов проживало на севере, а католики - на юге. Жители Ирландской республики в своем подавляющем большинстве приверженцы католицизма - около 94 процентов. Жители Северной Ирландии - их всего 1,5 миллиона - разделяются следующим образом: примерно 2/3 - пре-

тестанты (в основном пресвитериане, конгрегоционисты и методисты), а 1/3 - католики.

Как искусственное разделение Ирландии в 1920 году, так и удержание господства над народом Северной Ирландии в течение более чем 50-ти лет правящим классом было возможно лишь с помощью установления антидемократической диктатуры. Эту диктатуру можно рассматривать в нескольких аспектах: в экономическом, политическом, юридическом и идеологическом.

В экономическом отношении ситуация такова, что "католики", в подавляющем большинстве рабочие и крестьяне, подвергаются экономической и социальной дискриминации. Они являются "гражданами второго сорта" по вопросам, касающимся найма на работу, обеспечения жильем, здравоохранения и т.п.

В свою очередь "протестанты" - это богатые капиталисты, представители мелкой буржуазии, а также какая-то часть привилегированных рабочих.

Религиозный момент в этом случае является приемом маскировки классовой сущности юнионистского режима. Ибо далеко не все верующие протестанты пользуются привилегиями, создаваемыми капиталистами, и с другой стороны - не все пользующиеся этими привилегиями являются верующими протестантами. Для обозначения культивируемого ими типа человека юнионисты создали специальный термин - "лоялист". Этим обозначается не любой житель Ольстера, исповедующий протестантскую веру, а человек, активно поддерживающий мракобесные мероприятия юнионистов, оранжистов и других экстремистов. Лишь одни лоялисты пользуются привилегиями, но в целом протестантские рабочие тоже страдают от религиозной вражды. Религиозная рознь мешает им вести совместную с католиками борьбу за общие классовые интересы.

Политическим инструментом насилия для правящих классов служила и служит партия юнионистов, созданная в 1886 году и находившаяся у власти более пятидесяти лет - до роспуска Стормонта - Севериорланд -

ского парламента и установления непосредственного контроля над Северной Ирландией со стороны британского правительства в 1972 году. Главным юридическим инструментом насилия на протяжении всего этого периода служил, так называемый, Акт Специальных полномочий, принятый в 1920 году как временное мероприятие для "поддержания правопорядка" во время мятежных 1920-1922 годов, но оставшийся в силе более 50 лет. На основе этого акта власти Ольстера могли чинить всякого рода беззакония против католического населения: производить аресты, делать обыски, держать в заключении без суда и т.д.

Принудительными органами для воплощения в жизнь подобной политики служили крупные полицейские и поли - цейско-вспомогательные силы (т.н. А- Специальные и Б - Специальные), которые набираются исключительно из протестантского населения и идеологически усиленно обрабатываются в антикатолическом духе.

Идеологической базой режима служил и продолжает служить воинствующий антикатолицизм, религиозная нетерпимость и фанатизм. Эти качества культивировались и насаждались среди населения главарями юнионистской партии, орденом Оранжистов и протестантскими проповедниками, продолжающими традиции религиозных фанатиков прошлого столетия.

Первый премьер-министр Северной Ирландии Джеймс Крейг, придя к власти, прямо заявил о том, что создано "протестантское правительство для протестантских подданных" /6/. Неудивительно поэтому, что искусственное разделение Ирландии и создание Северной Ирландии сопровождалось крупными волнениями католического населения: во время гражданского мятежа 1920-1922 годов было убито почти 300 человек. С тех пор борьба католического меньшинства провинции за свои гражданские права никогда не утихала и в ответ на провокации со стороны экстремистских протестантов время от времени выливалась в крупные мятежи.

В 1931 году была создана "Лига Ольстерских протестантов" - полуфашистская религиозная организация (в 1933 году она выразила одобрение нацистскому перевороту в Германии). Деятельность лиги была направлена на прямое разжигание религиозной вражды - с применением тактики демонстраций и контр-демонстраций, религиозной демагогии и т.п. В результате - в 1935 году Ольстер был потрясен новыми кровавыми мятежами.

Настоящая волна гражданских восстаний в Северной Ирландии началась в 1964 году и не утихла до настоящих дней. С одной стороны - она связана с борьбой широких масс, в основном католического, но также и протестантского населения - за демократические права всех граждан Ольстера.

Организационным костяком этой борьбы является "Ассоциация за гражданские права", в руководство которой входят коммунисты и другие прогрессивные лица из разных слоев населения Северной Ирландии. Им противостоят юнионисты, оранжисты и протестантские экстремисты, руководимые печально известным пресвитерианским пастором Ианном Пэйсли.

Пэйсли стоит несколько в стороне от "официального" пресвитерианства Северной Ирландии - "Пресвитерианской церкви в Ирландии", насчитывающей 140 тысяч членов. Он является модератором т.н. "Свободных Пресвитериан", не примыкавших к основной массе ольстерского пресвитерианства. Церковно-буржуазные источники любят подчеркивать, что Пэйсли - "туманная" личность, что он якобы начал свою проповедническую деятельность на свою руку после Второй мировой войны и использовал для религиозных собраний своей паствы какой-то пустующий армейский барак в Белфасте. Систематического теологического образования он якобы не получил, хотя имеет звание доктора богословия от какого-то малоизвестного теологического колледжа в Южной Каролине США.

Тем не менее, несмотря на его "нереспектабельное"

происхождение, а, быть может, именно благодаря ему, Пэйсли оказался очень пригодным для правящих классов своим религиозным фанатизмом. "Свободные пресвитериане" издают свою газету "Протестант телеграф". Деятельность Пэйсли пользуется финансовой и моральной поддержкой со стороны экстремистских юнионистов и оранжистов. Начав со скромного армейского барака, Пэйсли ныне проповедует в помещениях "Ольстер Холла" - центрального зала Белфаста, принадлежащего муниципалитету города. "Свободные христиане" строят на Ровенгиле в Белфасте большой храм, стоящий около 200 тысяч фунтов стерлингов. Ценность Пэйсли и его единомышленников - религиозных фанатиков - для правящих классов в деле разжигания религиозной розни в стране лучше всего проследить на конкретных событиях современного североирландского кризиса.

28 сентября 1964 года партия республиканцев, ставшая своей задачей - воссоединение Ольстера с Ирландской Республикой, во время предвыборной кампании вывесила над своим зданием в Белфасте флаг Ирландской республики. Иан Пэйсли тут же призвал партию юнионистов немедленно распорядиться - снять флаг и грозил, что в противном случае он сам во главе своих приверженцев двинется к зданию для осуществления этой задачи насильственным путем. Полиции был дан приказ - снять этот флаг. Несколько тысяч республиканцев собрались чтобы препятствовать этому. Пэйсли устроил митинг, проповедовал, читал вслух из библии и всячески морально поддерживал деятельность властей.

Так начались, так называемые, "беспорядки на улице Дивис" (улица, где расположено здание республиканской партии), послужившие искрой для настоящего пожара. Некоторое время после этих событий Пэйсли был разоблачен в парламенте Северной Ирландии депутатами-республиканцами как основной виновник беспорядков, действующий по указанию экстремистских кругов юнионистской партии. Было потребовано, чтобы правительство создало комиссию по рассмотрению причин "беспорядков на улице Дивис". Премьер-министр

О'Ниль, однако, отказал в этом.

С тех пор вся деятельность Пэйсли была направлена на разжигание религиозной нетерпимости. Это он делал с такой ревностью, что даже его покровители из юнионистского правительства несколько раз были вынуждены заключить его в тюрьму на небольшие сроки. Однако, это только способствовало разжиганию фанатизма протестантских экстремистов.

5 октября 1964 года состоялась большая демонстрация республиканцев под флагом Ирландской республики. На сей раз полиция не пыталась препятствовать этому. В тот же день Пэйсли произнес проповедь в Ольстер-Холле перед собравшимися протестантами (2 тыс.) обвинил правительство в том, что оно "оказывает слабость под давлением республиканцев", демагогически заявляя, что "наше протестантское наследие ставится под угрозу" и т.п.

Излюбленная тактика Пэйсли — нападать на все и всякие проявления сотрудничества между католическими и протестантскими частями населения. В частности, он использует для своих атак всякие проявления экуменизма для подстрекательской деятельности, для натравливания протестантов Ольстера на католиков. Он запугивает их "концом протестантского наследия", "папством" и т.п. в духе религиозного фанатизма эпохи Реформации.

Именно этот предлог хорошо послужил замыслам Пэйсли в 1966 году, когда он организовал демонстрацию против экуменического духа, царившего в пресвитерианской церкви. Во время заседания генеральной ассамблеи Пресвитерианской церкви в Ирландии Пэйсли объявил о своем намерении устроить демонстрацию. Причем, он не скрывал того факта, что планирует это мероприятие как оскорбление и по отношению к пресвитерианской церкви, и по отношению к католической церкви и религиозным чувствам католического населения Ирландии. В частности, такая деталь — Пэйсли составил маршрут планируемой демонстрации таким образом, чтобы она проходила через Кромак Север (район, населенный католика-

ми). Со времени больших мятежей 1935 года было запрещено проводить протестантские демонстрации в этом районе. Однако, на сей раз власти согласились, хорошо зная, что это может вызвать беспорядки и даже кровопролитие. И хотя в результате воцарившихся беспорядков Пэйсли и был посажен в тюрьму сроком на три месяца, его демонстрация еще больше разожгла религиозный фанатизм.

И еще один характерный случай, из которого Пэйсли сумел извлечь выгодный для себя идеологический капитал. В начале 1967 года Ирландская церковная ассоциация - организация, объединяющая экуменически настроенных священников Северной Ирландии, - пригласила к себе для выступления в Белфасте англиканского епископа Джона Мурмана, епископа Рипонского и видного деятеля экуменического движения. Дж. Мурман в январе 1967 года руководил делегацией Церкви Англии в переговорах с Католической церковью в Италии и сделал ряд прокатолических заявлений. Он участвовал в католической мессе и заявил, что папа римский мог бы возглавлять мировую объединенную церковь.

Все это давало возможность Пэйсли и его единомышленникам раздуть яростную антикатолическую истерию. Во имя отстаивания "протестантского наследия" он собрал вокруг себя все экстремистские круги: "Евангелическое протестантское Общество", "Оранжевый голос свободы", крайне правых юнионистов и др. - и грозил многотысячной демонстрацией по случаю приезда в Белфаст епископа Рипонского. В результате - Дж. Мурман отменил свой визит и его выступление не состоялось. Но какое решение ни принял бы англиканский епископ, вся эта история хорошо послужила делу разжигания религиозной вражды и нетерпимости к католическому населению.

Пэйсли и его единомышленники представляют собой крайнее проявление протестантского экстремизма. Они являются главными запевалами антикатолических выпадов, генераторами религиозной истерии по заказу господствующих классов. Но они, как уже отмечалось, стоят как бы в стороне от

"солидных" церковных организаций Северной Ирландии. Какова же роль других церковных организаций, в том числе и католической церкви, в Ольстерских событиях?

Католическая церковь - наиболее влиятельная церковная организация в Ирландии в целом. В Ирландской республике католицизм является государственной религией. В Северной Ирландии, как уже было отмечено, формальных приверженцев католицизма 1/3 населения. Все шесть североирландских епархий подчиняются общириландскому правлению; высшим сановником всей Ирландии является кардинал Конуэй, имеющий резиденцию в Дублине (Ирландская республика).

Исходя из необходимости считаться с настроением верующих масс, католическая церковь в общих чертах как бы занимает позицию сторонников бурющегося североирландского народа. Но тут следует сделать два уточнения. Во-первых, форма и характер этой поддержки зависят оттого, откуда она исходит - от рядовых священников, работающих в католических гетто североирландских городов, или от высших чинов иерархии в Дублине. И, во-вторых, независимо оттого, откуда исходит эта поддержка, она имеет сектантский характер, она ориентирована религиозно и, таким образом, льет воду на мельницу религиозного фанатизма и способствует интересам господствующих классов Северной Ирландии и их английских хозяев.

В 1972 году английский журнал "Спектейтор"/7/ провел опрос целого ряда священников Ольстера и по результатам этого опроса можно выявить несколько нюансов в отношении разных церковных деятелей к кризисному положению в этой стране. Приведем некоторые характерные примеры.

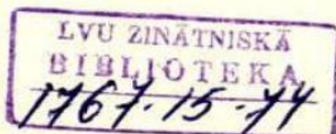
"Отец" Бради - преподаватель предмета "религиозное образование" в педагогическом колледже св.Иосифа в Белфасте. Называя себя "пастором-активистом", он активно сотрудничает в "Ассоциации по соблюдению юридической справедливости", собирает сведения о случаях нарушения законности властями, о пытках католиков в концлагере и тюрьмах Оль-

стера и других случаях бесчинствования английской армии и североирландских властей. Свою активность он мотивирует следующим образом: "Если правительство аморально, то задача священника - находиться на первых линиях борьбы за изменение ситуации" /7, р. III/. Его борьба, однако, ограничивается борьбой за абстрактную справедливость в рамках буржуазной демократии.

Другой католический священник "отец" Уатсон представляет более воинственный оттонок католической позиции. Он выделяет трех основных "врагов" католического населения - это, во-первых, правительство ирландистов, которое "несет ответственность за то, что мы являемся гражданами второго сорта"; во-вторых, - это Уестминстер (т.е. правительство Англии) и, в-третьих, - это Британская армия. "Отец" Уатсон одобряет насильственную борьбу католиков против трех "врагов": "Я считаю, что все ненасильственные способы борьбы уже использованы; они были встречены лишь насилием, которое порождает еще больше насилия" /7, р. II2/.

Характерно, что "отец" Уатсон рассматривает борьбу североирландского народа как борьбу одних только "католиков" и не выделяет британского империализма и класса североирландских капиталистов как основных врагов, а лишь сосредотачивается на некоторых проявлениях классового подавления ольстерского народа.

Зато отец Уатсон очень критически и справедливо оценивает позицию, занимаемую католической иерархией во главе с кардиналом Конуэем в североирландском вопросе. По его мнению "их положение катастрофическое. Они не выработали единого взгляда. Если вы делаете отдельные небольшие заявления время от времени, порицайте то и одобряйте это, - вас всегда можно обличить в неопределенности" /7, р. II2/. Эту оценку можно применить и ко взглядам самого Уатсона, ибо, хотя он и считает, что "согласно традиционной теологии в Ирландии назрела ситуация для справедливой войны" - это по существу является призывом к "священной войне" ка-

толиков против отдельных группировок протестантского правительства. Отсутствие классового подхода не дает ему возможности выявить настоящего виновника североирландского конфликта.

Тем не менее, Уатсон прав в оценке позиции, занимаемой иерархией. Это видно по заявлениям, сделанным кардиналом Конуэем корреспонденту "Спектатора". Это характерная позиция "беззубого невмешательства" в социальные конфликты, к которой церковь порою прибегала и прибегает для освящения насилия господствующих эксплуататорских классов. Кардинал отказался дать прямой и точный ответ корреспонденту на вопрос об отношении католической церкви к событиям в Северной Ирландии. После некоторых соображений насчет того, что в подобном конфликте нельзя все разделять на "белое" и "черное" и что "жизнь гораздо сложнее такого деления", кардинал отмечает, что задача церкви "бороться с несправедливостью безотносительно к тому, из какой стороны оно исходит" и т.д. Кардинал считает, что такая политика отпугивает экстремистов" и что это якобы "всегда является наказанием за провозглашение правды"/7, p. 112/.

Что же касается протестантских религиозных организаций Северной Ирландии, то все они, хотя и в другой форме нежели Пэйсли, идейно защищают имеющееся положение вещей - они хотят в той или иной форме сохранить социально-политическое господство "протестантских" капиталистов в Северной Ирландии. На словах осуждая линию Пэйсли как слишком "крайнюю", они в принципе поддерживают все мероприятия на сохранение бесправного положения одной трети населения Ольстера. Протестантские священнослужители запугивают свою паству тем, что дача гражданских прав католикам Ольстера повлечет за собой присоединение Северной Ирландии к Ирландской республике, а это в свою очередь грозит понижением жизненного уровня протестантского населения, их поглощением "католицизмом" и т.п. Хотя и в менее гласной форме нежели Пэйсли, они тоже разжигают не-

прияны к инаковерующим и инакомыслящим, и привлекают религиозную аргументацию для оправдания режима.

Так, например, священник методистской церкви из Карлайл Серкус в Белфасте Чарльз Эйр пытается обосновать существующий порядок ссылкой на то, что "демократия просто-таки работает таким образом", иными словами, "протестанты" оставляют большинство и "католикам" де ничего другого не остается, как подчиняться "воле большинства". Тут налицо настоящее вырождение буржуазной демократии, ибо ее именем обосновывается самый настоящий произвол и ущемление основных социально-политических и экономических прав человека. И делается это под прикрытием демагогических ссылок на "религиозную свободу", на "протестантское наследие" и т.п. В том факте, что католики в Северной Ирландии являются "гражданами второго сорта" — утверждает методический священник — нет ничего удивительного, ибо до совсем недавнего прошлого, до II Ватиканского собора, католики относились к протестантам как к "второстепенным гражданам" — "они вовсе не признавали, что мы являемся христианами". Свои размышления пастор заканчивает следующим образом: "Мы верим в некоторые вещи, и они верят в некоторые вещи. Мы хотим воспитать своих детей в этой вере, а они говорят, что в случае смешанного брака дети должны принять их религию. Мы никак уже не можем обратиться к нашим прихожанам и советовать им любить католиков" /7, р. 112/. Подобным же образом другой протестантский священник — пресвитерианец Джон Гирван считает, что "библия учит нас подчиняться властям" и что единственное решение проблемы — через "более глубокое познание бога". Он надеется, что настоящая ситуация в Северной Ирландии окажется благоприятной для распространения христианства. "Я думаю, что, когда человек в затруднениях, то в этой ситуации открываются возможности для бога", — утверждает пресвитерианский священник, надеясь извлечь пользу из ситуации, наполненной до отказа человеческими страданиями и порожден-

ной религиозной идеологией.

Таким образом видно, что деление на "католиков" и "протестантов" в Северной Ирландии — плод исторического развития и искусственно поддерживается правящими кругами Великобритании в их корыстных классовых интересах. Сущность Ольстерской проблемы не в том, что это конфликт между приверженцами разных разновидностей христианства, а в том, что это конфликт между интересами господствующего класса капиталистов Ольстера и их империалистическими покровителями в Англии — с одной стороны, и требованиями широких слоев населения, борющихся за свои экономические, политические и гражданские права — с другой стороны. "Религиозным" этот конфликт является постольку, поскольку религиозная идеология в данном случае занимает очень важное место в арсенале империалистической стороны для ведения борьбы против трудящихся масс, помогая им расчленять, дробить массы, натравливая одну часть населения на другую, помогает им скрывать классовую сущность своей политики. В современных условиях, когда религиозные организации пытаются всеми силами маскировать реакционную сущность своей идеологии, конфликт в Северной Ирландии явно обнаруживает тесный союз империализма и религии, выявляет антигуманную и антинародную сущность религии.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т.32, с.558.
2. Norman E. A History of Modern Ireland. London, 1971, p. 173.
3. Ibidem.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т.32, с.557.
5. Boyd A. Holy War in Belfast. Anvil Books, 1970, p. 119 f.f.
6. Ibidem, p. 176.
7. "Spectator." April 15, 1972.

О. ПОТРЕКИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННО- МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В ФРГ

Современное экономико-политическое развитие капиталистических стран выявляет стремление империализма приспособиться к новым условиям существования, к изменившейся обстановке, и противоборству с силами социализма и прогресса. В отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии отмечалось, что одно из направлений этого приспособления состоит в стремлении использовать плоды научно-технического прогресса в целях повышения эффективности производства, укрепления позиций монополий и повышения степени эксплуатации трудящихся. Научно-техническая революция, внося качественные изменения в техническую базу производства, осуществляется одновременно с процессом преобразования и субъективного фактора процесса производства — рабочей силы. Новые требования, предъявляемые к рабочей силе, требуют повышения общего уровня ее обучения и подготовки, увеличения доли квалифицированных рабочих в общей массе пролетариата, перестройки профессиональной структуры. В связи с тем, что труд становится все сложнее и эффективнее, повышаются расходы на воспроизводство рабочей силы ведут к увеличению ее стоимости. Растет самосознание трудящихся и их недовольство капиталистической эксплуатацией.

В новых условиях все более существенную сторону экономической функции государства приобретает государственное регулирование социально-экономических отношений. При решении этого вопроса значительное место отводится

использованию государственных расходов в качестве средства корректировки совокупного спроса в рамках антициклического регулирования. Характерной чертой экономического поведения монополий 60-70 годов становится стремление освободить частный монополитический капитал от всей совокупности затрат, не связанных с прямыми производственными расходами, перекладывая эти расходы на плечи государства. В первую очередь это относится к созданию и постоянному расширению так называемой инфраструктуры хозяйства. Наряду с этим изменившаяся ситуация на рынке наемного труда определяет и новый подход буржуазии к некоторым социально-экономическим функциям государства. В данном случае проблема состоит вовсе не в том, насколько социальны эти социально-экономические функции государства, а в том, как в этих функциях сплетаются воедино классовые цели буржуазии по усилению эксплуатации трудящихся и по маскировке ее, с одной стороны, и в какой степени эти меры выражают отступление государственно-монополитической системы перед напором рабочего класса, с другой стороны.

Вынужденная считаться с силой рабочего движения, буржуазия сегодня готова пойти на определенные уступки, чтобы прикрыть реальные противоречия между трудом и капиталом. Этим целям призвана служить социальная политика современного буржуазного государства. Этой политике западно-германский экономист Фридрих дает следующее определение: "Социальная политика - инструмент активного, ориентирующегося на будущее формирования современных экономических и общественных условий, она - орудие преобразования экономического роста в социальный прогресс как для каждого отдельного индивидуума, так и для общества в целом".¹ Как в любой буржуазной теории "государства благоденствия", так и в данной формулировке явно выражено стремление замаскировать эксплуататорскую сущность капи-

талистического общества и соответствующего ему государства социальной демагогией, видимостью заботы о благе человека. Наиболее выпукло смысл такого рода демагогии вырисовывается в стремлении обеспечить "интегрирование" в систему государственно-монополистического капитализма тех социальных групп /прежде всего рабочих/, чьи интересы направлены против капиталистической системы. В производственно-экономическом плане такого рода интеграция призвана "обеспечить эффективность применения капитала в условиях современной научно-технической революции, мобилизовать трудовые потенции рабочего класса, прежде всего промышленных рабочих, для осуществления научных исследований и функции управления в интересах капиталистического использования научно-технического прогресса". В политическом плане интеграция "призвана смягчить социальную поляризацию, расширить сократившуюся социальную базу системы, препятствовать открытым классовым конфликтам даже в сфере экономики, ибо в настоящее время в большей степени, чем прежде, такие конфликты могут иметь политические последствия".²

В материалах Дюссельдорфского съезда Германской коммунистической партии этот процесс охарактеризован следующим образом: "Из страха перед превращением сегодняшней классовой борьбы в широкое революционное массовое движение империалисты пытаются применять скрытые формы эксплуатации, идти в некоторых случаях на уступки трудящемуся населению и проводить частичные реформы. Они стремятся сделать свою систему стабильнее и эффективнее и интегрировать трудящееся население в эту систему. Но так как эти попытки приспособиться не изменяют эксплуататорский в своей основе характер капиталистической системы, они также не могут преодолеть основные противоречия и следовательно, не могут достичь действительной стабилизации".³

Правящие круги ФРГ в своей политике предпочитают поддерживать среди рабочих иллюзии "активного участ-

ва" с целью максимально смягчить глубокие классовые конфликты, раздражающие современное западногерманское общество. Этому служит комплекс мероприятий, охватывающих систему так называемых "концертных акций", "участие в управлении" и "политику накопления состояния".

Система "концертных акций" с момента появления на свет во второй половине шестидесятых годов предполагала совместное обсуждение вопросов заработной платы, занятости и других "ориентирующих данных" между представителями организаций капиталистов, профсоюзов, земель и общин. Руководит этими заседаниями федеральный министр экономики, на них присутствует и президент федерального банка.

Система "концертных акций", по мнению её авторов, должна стабилизировать сотрудничество между "автономными группами социальных партнёров", что рассматривается правящими кругами ФРГ в качестве важнейшей предпосылки для реализации целей их экономической политики. Однако "концертная акция" прежде всего скрывает общие интересы крупного монополитического капитала. В то время как уровень заработной платы в большой степени определялся согласованными действиями "концертной акции", прибыль предпринимателей не являлась объектом обсуждений. Профсоюзы, таким образом, находятся в неравном положении с предпринимателями. К тому же правительство представляло на переговоры ориентировочные показатели заработной платы, разработанные экспертами государственных учреждений. В то же время, привлекая представителей профсоюзов к переговорам по согласованию действий, монополии и буржуазное государство стремятся получить их согласие по важнейшим вопросам экономической политики, непосредственно затрагивающим интересы трудящихся, и тем самым предотвратить или ослабить последующие выступления рабочего класса и его борьбу против этой политики.

Статистические данные свидетельствуют, что "концертная акция" выгодна только предпринимателям. Доля до-

ходов рабочих и служащих в совокупном общественном продукте снизилась за период с 1967 по 1969 гг. с 36,6 % до 35,0 %, в то время как доля официальных прибылей предпринимателей возросла с 26,6 % до 31,0 %. С 1966 по 1969 гг. чистая прибыль предпринимателей увеличилась на 53,0%.⁴ Заработная плата в это время практически была заморожена.

Если в "концертной акции" и сами буржуазные авторы усматривают "институционализированный разговор между государством и хозяйством, который должен помочь только определить те или иные интересы групп",⁵ то участие рабочих в управлении выдается чуть ли не за социализм. "В развитии участия в управлении, - говорится в правительственном заявлении канцлера Брандта, - мы видим свою основную задачу. Участие в управлении является субстанцией, демократизирующей наше общество".⁶ Несмотря на это многообещающее заявление даже в правительственной коалиции отсутствует единое мнение по этому вопросу. Обсуждая модель "паритетного участия в управлении" социал-демократов / 5:1:1/ (5 представителей акционеров, 1 рабочий, 1 служащий или нейтральный представитель) и свободных демократов / 6:4:2/ оппозиция и профсоюзы имеют по этому вопросу свое мнение.

"Закон об участии рабочих в наблюдательных советах и правлениях предприятий горной промышленности и промышленности, производящей железо и сталь", был принят Западногерманским бундестагом 21 мая 1951 года. В 1952 году был принят "закон о статусе предприятия", регулирующий представительство рабочих на предприятиях, не входящих в сферу действия закона 1951 г., а в 1956 году "закон о дополнении к закону 1951 г.", касающийся холдинг-компаний. Под давлением профсоюзов в 1968 году фракция СДПГ внесла в бундестаг проекты пяти новых законов о расширении права участия трудящихся в управлении, и уже как ведущая правящая партия СДПГ в 1970 г. в бундестаге подвела итог трёхлетней дискуссии о работе специальной комиссии.⁷

"Рабочие и служащие, сказано в Годесбергской программе СДПГ, которые вносят решающий вклад в народное хозяйство, до сих пор отстранены от эффективного участия в управлении. Однако демократия требует участия рабочих в управлении на предприятиях и во всей экономике. Рабочий должен в сфере экономики превратиться из подданного в полноправного гражданина."⁸

На деле правящее правое крыло западногерманской социал-демократии под лозунгом дальнейшего развития на - стоящего партнёрства отстаивает идею невмешательства в управление предприятиями и концернами. В дискуссии по этому вопросу такой подход социал-демократов подвергается критике даже со стороны партнёра по правительственной коалиции - партии свободных демократов, которые указывают, что "социал-демократы под участием в управлении понимают только участие функционеров и работников аппарата".⁹ В свою очередь руководство свободных демократов, рассуждая о паритетном участии в управлении" пытается создать впечатление, что вопрос уже решён, что принципиальные разногласия уже преодолены и следует только работать над "дальнейшим качественным развитием указанных принципов".¹⁰ По мнению Вальтера Шееля "дискуссия об участии в управлении затрагивает вопросы, касающиеся прав предпринимателя и хозяйственной структурной политики".¹¹

Что касается партии ХДС/ХСС, то её отношение к вопросу об участии рабочих в управлении выражена в резолюции съезда этой партии: "При реформе предпринимательского права, недопустимо монопольное влияние организованных интересов на уровне выше предприятия... В свете данной цели схематическое перенесение на другие отрасли модели участия в управлении горной промышленностью не могут быть поддержаны".¹²

Свою озабоченность возможными последствиями участия рабочих в управлении, Фёрг-Ревер, председатель "Объединения независимых предпринимателей" выражает в сло-

вах: "Мы теперь знаем, что при выдвижении требования участия в управлении речь идёт не о нашей личной судьбе. В случае осуществления этого требования под величайшую угрозу ставится экономический и политический строй, являющийся основой для свободного предпринимательства. И мы знаем теперь, что должны бороться, если хотим существовать, что теперь для немецких предпринимателей речь идёт о том: "быть или не быть".¹³

Марксистская концепция участия трудящихся в управлении производством основана на идеях В.И.Ленина, выдвинутых им в период подготовки к социалистической революции в России. Обобщая опыт первых месяцев революции, В.И.Ленин писал: "Чтобы контроль над промышленностью действительно осуществлялся, он должен быть рабочим контролем, чтобы во все ответственные учреждения входило большинство рабочих и чтобы администрация отдавала отчёт в своих действиях перед наиболее авторитетными рабочими организациями".¹⁴ Рассматривая рабочий контроль над производством в качестве важного "шага к социализму", В.И.Ленин указывал: "Свергнуть капитализм и империализм нельзя никакими самыми "идеальными" демократическими преобразованиями, а только экономическим переворотом, но пролетариат, не воспитывающийся в борьбе за демократию, не способен совершить экономического переворота. Нельзя победить капитализм, не взяв банков, не отменив частной собственности на средства производства, но нельзя осуществить этих революционных мер, не организовав демократическое управление захваченными у буржуазии средствами производства всем народом, не привлекая всей массы трудящихся... к демократической организации своих рядов, своих сил, своего участия в государстве".¹⁵

Совершенно ясно, что концепция участия трудящихся в управлении, выдвигаемая руководством СДПГ, направлена против такой постановки вопроса, ибо она призвана стабилизировать государственно-монополистическую систему ФРГ.

В то же время, как это отмечают германские коммунисты, требования участия трудящихся в управлении производством, выдвигаемые с классовых позиций, "не являются принципиально противоположными требованиям демократического и рабочего контроля, наоборот, они есть специфическое, исторически обусловленное, соответствующее уровню сознания рабочих и служащих выражение требований рабочего контроля".¹⁶

Буржуазия же заинтересована в проведении в жизнь своей собственной установки на привлечение трудящихся к "участию в управлении". Под её давлением принят и основной государственный закон об "участии в управлении".

Производственные советы на промышленных предприятиях с участием рабочих пользуются правом:

- влиять на вопросы приема на работу, перемещения и увольнения рабочих;
- участия в решении вопросов начала и конца рабочего дня, время и места выдачи зарплаты, регулирования аккордных и сдельных ставок, определения принципов оплаты труда;
- контроля соблюдения законов, тарифных договоров, трудовых соглашений, вопросов социального обеспечения.¹⁷

В соответствии с требованиями закона 1952 года "предприниматель и производственный совет сотрудничают в рамках действующих тарифных договоров на основе полного доверия и взаимодействия с представленными на предприятии профсоюзами и предпринимательскими объединениями на благо предприятия и его рабочих, учитывая общее благо. Предприниматель и производственный совет не должны делать ничего, что могло бы повредить работе и миру на предприятии".¹⁸

Не удивительно, что такому закону рабочие не доверяют и выдвигают свои требования, устраивая стачки.

В сфере действия закона о паритетном участии рабочих в управлении в 60-х годах насчитывалось 114 крупных предприятий, на которых было занято более 650 тысяч рабо-

чих. К концу 1970 г. в результате слияния концернов, число предприятий, на которые распространяется закон 1951 г., сократилось до 70, а к 1973 году до 47.¹⁹

Следует подчеркнуть, что закон 1952 года об организации предприятия запрещает производственным советам руководить рабочими во время трудовых конфликтов и обязывает их "доверительно сотрудничать" с предпринимателями. Таким образом представители наблюдательских советов фактически лишены возможности бороться за обеспечение интересов коллективов. Но они не в состоянии предотвратить забастовки и это вызывает нарекания в их адрес со стороны предпринимателей.

Производственные советы рассматриваются западно-германскими рабочими как важные органы защиты их интересов. Именно поэтому ни одна буржуазная партия не считала возможным обойти вопрос об участии рабочих в управлении, в предвыборной кампании выборов в бундестаг осенью 1972 года. Положения закона, запрещающие членам производственных советов участвовать в забастовках, позволяют предпринимателям свести принципиальное обсуждение требований рабочих до уровня бесплодной дискуссии. Однако, как показали забастовки 1970, 1971 и 1972 годов, производственные советы находили в ряде случаев способ обойти юридические ограничения и становились фактическими руководящими органами бастующих. Забастовки последних лет и вызванное ими движение за пересмотр коллективных договоров привели к повышению заработной платы и сейчас в западногерманских профсоюзах широко отстаивается мнение, что именно от активности рабочих и служащих в значительной степени зависит улучшение их материального положения. Таким образом, буржуазные концепции "классового мира" и "социального партнёрства" терпят провал. Если еще в конце 60-х годов Г.Феттер, председатель правления Объединения немецких профсоюзов ФРГ, мог сказать: " В ходе длительного экономического подъема, начавшегося в 50-х годах, в социально-

политической жизни Федеративной республики Германии царяла чрезвычайно спокойная атмосфера",²⁰ то 1969 год и начало 70-х годов ознаменовались широким размахом стачечной борьбы.

Таблица № I
Развитие стачечной борьбы в ФРГ²¹

Г о д	Число бастующих /в тыс.чел./	Потери рабочих дней / в тыс./
1960	17,1	37,7
1965	6,3	48,5
1968	25,2	25,2
1969	150,0	530,0
1970	184,2	93,2
1971	334,0	2599,0

Забастовочная борьба позволила демократическим силам ФРГ заострить внимание общественности на вопросах о роли профсоюзов в жизни общества и особенно в области политики заработной платы. Тем самым предотвращается попытка правящего класса отвести профсоюзам роль услужливого информатора об ухудшении настроения трудящихся. Интересны в этом отношении слова свободного демократа Г.Мундорфа, высказанные в дискуссии по вопросу об "участии в управлении": "Профсоюзы, наконец, должны понять, что между предпринимателем и законным руководством предприятия невозможна дифференциация и в связи с этим целесообразнее, чтобы профсоюзы традиционно обращали больше внимания на вопросы тарифной автономии".²²

Приведенное высказывание знаменательно, ибо в политике заработной платы тактика буржуазии направлена на ослабление конфликтов посредством "интеграции социальных партнеров". Так как "концертная акция" себя сильно дискредитировала, то аргументация союзов предпринимателей

в борьбе против профсоюзов сосредотачивается на тарифной автономии. Оспаривается право профсоюзов вести спор о тарифных ставках самостоятельно, без государственного вмешательства и добиваться удовлетворения требований путем забастовочной борьбы.

Важным инструментом, с помощью которого, по мнению правящих кругов ФРГ, должна быть достигнута "социальная интеграция" трудящихся, стабилизация и рост экономики, является политика, направленная на образование собственности у наёмных работников - "накопление состояний".

По мнению авторов "поощрения накопления собственности" у лиц наёмного труда, речь идет не об увеличении заработной платы, а о т.н. "перераспределении собственности". Все предприятия с балансовой прибылью свыше 400 тысяч марок в год должны отчислять определенный процент прироста своего капитала в специальный фонд. Из этого фонда рабочий будет получать специальные сертификаты, которые сделают его "совладельцем собственности". Спустя семь лет владелец сертификата сможет получить его номинальную стоимость или продолжать оставаться владельцем этой своеобразной акции. По мнению авторов проекта, таким образом рабочий получает "право учета и контроля над капиталом при помощи фонда". Они считают, что такая политика содействует увеличению сбережений у широких масс, она оказывает благоприятное влияние на рост капитала, объем инвестиции и тем самым на развитие экономики. С 1970/71 года 15 миллионов рабочих и служащих Западной Германии вовлечены в политику накопления состояний. В то время, как концепция социал-демократов и профсоюзов ФРГ в рамках "политики накопления состояний" /т.н. закон 624-х марок/ предусматривает "независимые" фонды участия, финансирование которых должно происходить также и из прибылей, монополии решительно борются против любого образования фондов, не находящихся под их непосредственным контролем. Они выступают

за инвестиционную заработную плату, которая находится в полном распоряжении их собственных предприятий и к тому же субсидируется государством.²³

Практику накопления состояния после принятия третьего закона о "накоплении состояний" отражают следующие данные:

Таблица № 2

Применение закона о накоплении состояний²⁴

Год	Количество рабочих		Накопления		В среднем на одного рабочего	
	тыс. чел.	прирост к предыдущему году в %	милл. зпг марок	%	марки	%
1961	50	-	15	-	300	-
1962	150	+200	40	+167	267	- II
1963	250	+ 67	70	+ 75	280	+ 5
1964	380	+ 52	100	+ 43	271	- 3
1965	2200	+479	620	+520	280	+ 3
1966	3200	+ 45	900	+ 45	280	+ 0
1967	3700	+ 16	1000	+ 11	270	- 4
1968	4500	+ 22	1200	+ 20	267	- 1
1969	5700	+ 27	1600	+ 33	280	+ 5
1970	12100	+112	3900	+144	320	+ 15
1971	15100	+ 25	7000	+ 80	465	+ 44

Несмотря на скромные размеры этого государственного-монополистического поощрения сбережений у рабочих и служащих, нужно отметить идеологические последствия такой политики. Политика "накопления состояний" не предотвращает социальных боев, но она вносит в ряды трудящихся элемент неуверенности и тем самым играет на руку буржуазии.

Пути государственного поощрения рабочих и служа-

ших к накоплению состояния, правящие круги Западной Германии стремятся создать впечатление равных возможностей для всех слоёв населения. Однако расчёты показывают, что происходит дальнейшая концентрация богатств в руках крупной буржуазии. Так если в 1960 году 1/3 национального богатства и более 70 % всех производственных активов ФРГ были сосредоточены в руках 1,7 % богатейших семей, то в 1969 году 1,7 % семей владели уже 74 % производственных активов.²⁵ Характеризуя ситуацию, журнал "Шпигель" писал: "Высшим законом политики Бонна в области собственности было и остаётся: делать наибольшие подарки тем, кто имеет больше всех".²⁶

Для правильной оценки развития современного государственно-монополитического капитализма недостаточно рассматривать только область классовых столкновений пролетариата и буржуазии. В основе данного процесса лежат объективные факторы общественного развития. Одним из них является научно-техническая революция. Усложняя процесс капиталистического воспроизводства, научно-техническая революция предъявляет жесткие требования к качеству рабочей силы с точки зрения её общеобразовательного уровня и профессиональной подготовки. Вследствие этого в наши дни на капиталистическом рынке труда напряжение вызывает такие явления, как:

- дефицит квалифицированных рабочих новых профессий и специальностей для обслуживания новейшей техники,
- избыток квалифицированной и полуквалифицированной рабочей силы в старых отраслях, прежде всего в горнодобывающей промышленности,
- необходимость повышения общеобразовательного уровня и квалификации занятых на производстве и обучения производственным профессиям молодежи, оканчивающей школу.

- потребность в перестройке методов обучения в общеобразовательной школе и расширении системы профессионально-технического образования.

Нехватка квалифицированной рабочей силы служит одним из наиболее серьёзных препятствий развитию экономики ФРГ. В середине 60-х годов в Западной Германии число вакантных мест в среднем за год превышало число безработных более чем в 5 раз. Кризисные 1966/67 и 1970/71 годы сократили эту диспропорцию, однако в 1972 году стабилизация конъюнктуры поставила вновь в центре внимания данный вопрос. Западногерманское правительство пытается решать проблему путём привлечения бюджетных средств для социальных нужд, в том числе и для общего и профессионального образования. Что касается предпринимателей, то они рассматривают любые затраты на социальные нужды, как излишние расходы. В 1969 году в структуре расходов предпринимателей на рабочую силу затраты на профессиональное образование составили всего 0,96 процента.²⁷

Вместо того, чтобы активно содействовать качественному росту местной рабочей силы и на этой - новой основе использовать достижения научно-технической революции, тем самым повышая конкурентоспособность своей продукции, западногерманские монополии стремятся сократить издержки производства путём привлечения большой массы низкоквалифицированной иностранной рабочей силы.

Объясняя причины, побудившие ФРГ и другие развитые страны стимулировать приток рабочих из-за рубежа, журнал "Шпигель" пишет: "Иностранцы ничего не стоят привитившей их стране, ибо среди них нет грудных младенцев, школьников, учеников-подмастерьев, больных: они обязаны вносить свой вклад в содержание стариков, больных и инвалидов этой страны".²⁸ "Представим, - пишет итальянский экономист-коммунист Паоло Чинанни в книге "Эмиграция и империализм", - что ФРГ не смогла бы использовать труд миллиона иностранцев, а была бы вынуждена ждать, пока

этот миллион, так сказать, "созреет" внутри страны. Данный процесс был бы равносильен тому, как если бы боннское государство на протяжении пятнадцати-двадцати лет кормило, одевало, обеспечивало жилищем, больницами, школами целый город с миллионным населением. Однако речь идёт не об одном миллионе иностранных рабочих".²⁹ Размеры этой формы эксплуатации характеризует следующая таблица.

Таблица № 3

Иностранная рабочая сила и общее количество занятых в народном хозяйстве ФРГ³⁰ / в тыс.чел./

Год	Иностранные рабочие		Общее количество занятых	
		% к общей занятости	без иностранцев	всего
1962	629	3,0	20424	21053
1964	902	4,2	20645	21547
1966	1244	5,7	20626	21870
1968	1019	4,8	20311	21330
1970	1807	8,1	20626	22433
1971	2128	9,4	20455	22583
1972	2317	10,6		
на 1 июля				

На 1 января 1973 года количество иностранных рабочих в ФГ достигло 2,8 миллиона человек.³¹ В это же время количество безработных в ФРГ было 279200 человек.³²

В 1972 году в промышленности ФРГ работали 1321 тысяча иностранных рабочих или 13,3 % всех занятых в отрасли. 336 тысяч иммигрантов / 13,3 %/ было занято в строительстве, 235 тысяч / 8,7 %/ в коммунальном хозяйстве, 178 тысяч /4%/ на транспорте и в торговле, 70 тысяч / 13,3 %/ в горнодобывающей промышленности, 18 тысяч / 6,4 %/ в сельском хозяйстве.³³ Анализ занятости ино-

странных рабочих по отраслям показывает, что больше всего они заняты на подсобной малоквалифицированной работе.

В социальном плане иностранные рабочие представляют самую лучшую для монополий рабочую силу. 61 % иммигрантов-мужчин моложе 40 лет, 58 % мужчин и 70 % женщин моложе 35 лет.³⁴ Они выносливы, редко болеют, не выдвигают, по мнению предпринимателей, "необоснованных" требований.

Исследовательский институт в Кёльне, работающий по заказам монополий, даёт следующую характеристику проблемы использования иностранных рабочих в народном хозяйстве ФРГ:

- наличие большого числа рабочих-иммигрантов позитивно влияет на структуру занятости в ФРГ,
- позволяет увеличить промышленное производство, развить сферу услуг,
- повышает мобильность структурообразующих перемен,
- заменяет местных рабочих, если те повышают свою квалификацию,
- вносит стабилизирующий элемент в состояние конъюнктуры и цен.³⁵

От эксплуатации иностранных рабочих выигрывают не только монополии, но и буржуазное государство. Экономятся средства на социальное обеспечение, за счёт заниженных расходов на зарплату делаются попытки сдержать волну инфляции.

Выигрывает и государственный бюджет. Только в 1971 году иностранные рабочие в виде различных налогов внесли в бюджет ФРГ более 5 миллиардов западногерманских марок. Только земля Баден-Вюртенберг с 1961 по 1971 год получила от эксплуатации иностранных рабочих 8,8 миллиардов марок.³⁶

Миллионы иммигрантов, приехавшие в Западную Германию в надежде скопить немного денег, чаще всего превращаются в "новый люмпен-пролетариат, в чернорабочих, которые подметают улицы, прислуживают в ресторанах, строят метро

в Бонне, Мюнхене и Гамбурге и возвращаются домой без гроша, как и уезжали. В десятках случаев иностранные рабочие в ФРГ работают по 80 часов в неделю, они не имеют права требовать соблюдения условий коллективных договоров, ибо не являются членами профсоюзов".³⁷ В среднем рабочая неделя иностранных рабочих превышает 56 часов. Именно по этому не выдерживает критики утверждение о якобы высокой заработной плате, которая в 1972 году в среднем составляла для иностранных рабочих 1337 западногерманских марок в месяц и соответствовала средней зарплате местных рабочих.³⁸

Основными поставщиками дешёвой рабочей силы для монополий Западной Германии служат экономически слабо развитые районы Южной Европы и Африки. Однако примечателен факт, что экономические трудности Англии вынуждают безработных этой страны в поисках работы направляться в ФРГ.

Таблица № 4

Страны эмиграции и количество иммигрантов в ФРГ³⁹
/ на 1 июля 1972 г./

Страна	Количество иммигрантов	%
Общее количество в т.ч.	2316700	100,0
Турция	497300	21,5
Югославия	471900	20,4
Италия	422100	18,2
Греция	269700	11,6
Испания	184000	7,9
Австрия	95900	4,4
Нидерланды	67800	3,1
Португалия	63200	2,7
Франция	47800	2,2

Продолжение таблицы № 4

Страна	Количество иммигрантов	%
Великобритания	18100	0,8
Марокко	13700	0,6
Тунис	10900	0,5
Другие	154300	6,1

Несомненны социальные последствия для стран-экспортёров рабочей силы. "В то время, как бедняки переселяются в промышленные метрополии, которые становятся ещё богаче благодаря их труду, слаборазвитые районы остаются в высшей степени отсталыми".⁴⁰

Проблема рабочих-иммигрантов не нова. Исследуя причины, порождающие миграцию рабочей силы в межгосударственном плане в эпоху капитализма и империализма, В.И. Ленин писал: "Капитализм создал особый вид переселения народов. Быстро развивающиеся в промышленном отношении страны, вводя больше машин, вытесняя отсталые страны с мирового рынка, поднимают заработную плату выше среднего и привлекают наёмных рабочих из отсталых стран".⁴¹ Капитализм стягивает рабочих "насильно в свой круговорот..., ставит их лицом к лицу с могучим, объединенным, международным классом промышленников".⁴²

Именно в интересах этого "класса промышленников" правительство Западной Германии в своих планах предусматривает увеличение иммиграции иностранных рабочих в масштабах, превышающих потребности страны в дополнительной рабочей силе, тем самым "смягчая социальное напряжение в стране".⁴³ В широких масштабах привлекая иностранных рабочих для замещения во всех видах работ местных рабочих и лишая рабочих-иммигрантов прав, предприниматели обесценивают в известной степени и местную рабочую силу. Это

всецело соответствует идеологическим установкам буржуазии. Вследствие создания как бы двух отдельных рынков труда - одного для местного населения, другого - для иностранцев, порождается недоверие к рабочим других национальностей, отсутствует чувство подлинной рабочей солидарности. Но монополии пытаются разобщить трудящихся не только для того, чтобы помешать их единству в борьбе, они стремятся к тому, чтобы в максимальной степени приспособить их к механизму эксплуатации.

Единственную возможность не допустить дальнейшего обострения внутренней социальной обстановки правящие круги Западной Германии усматривают в более активном вмешательстве буржуазного государства в регулирование общественными процессами. В экономическом плане это означает, что капиталистическое производство, которое не может эффективно функционировать без эксплуатации большой массы низкоквалифицированной местной и иностранной рабочей силы, но и требует одновременно использования рабочей силы высокого качества, вынуждает буржуазное государство активно вторгаться и охватывать своим влиянием всю сферу воспроизводства рабочей силы. В результате "социальная политика" все больше и больше требует от государства осуществлять расходы по удовлетворению "социальных нужд за счёт бюджета и других фондов, контролируемых государством".⁴⁴

Буржуазное государство приступило к активному регулированию всего комплекса социально-экономических отношений. В первую очередь это относится к развитию инфраструктуры вообще и социальной инфраструктуры в частности.

Создание системы и средств инфраструктуры всегда входило в прерогативу государства. Однако, если в эпоху домонополистического капитализма роль государства в создании инфраструктуры носила вспомогательный общий ха-

ракти, не связанный с проблемой поддержания темпов экономического роста, создания условий для повышения конкурентоспособности предприятий, то в период государственно-монополистического капитализма при современном развитии производительных сил, роль государства в этой области существенно изменилась. Создание средств инфраструктуры занимает ныне одно из важных мест в экономической политике государства.

Государственные расходы в отрасли инфраструктуры в национальном доходе ФРГ достигли 11 %, а в 1975 году достигнут 13,3%.⁴⁵

Сравнение показывает, что ФРГ отстает и от своих конкурентов в важнейших отраслях инфраструктуры, хотя по размеру доходов на душу населения ФРГ находится после США, Канады и Швеции на 4-ом месте в капиталистическом мире, по величине расходов на науку и образование она занимает лишь 8-ое место, а по доле этих расходов в национальном доходе - 10-ое место.⁴⁶

Усиление роли буржуазного государства высокоразвитых промышленных стран в деле создания и развития инфраструктуры хозяйства выгодно прежде всего монополистическому капиталу, так как помимо того, что государство освобождает монополии от огромных расходов на ее создание, инфраструктура кардинально влияет на увеличение производственного потенциала частнокапиталистического сектора, на усиление его конкурентоспособности на мировых рынках и внутри страны. Примечательно, что ряд буржуазных экономических экспертов сейчас утверждают, что экономическая политика правительств в прошедшие годы не создала достойных предпосылок для дальнейшего технического и экономического прогресса и этим, частично, был вызван очередной экономический кризис. Увеличение государственных расходов на инфраструктуру призвано создать предпосылки для преодоления такого отставания.

В новых условиях капиталистического производства государственные вложения в инфраструктуру рассматриваются как инвестиции, повышающие эффективность производства и конкурентоспособность западногерманских товаров как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Но несмотря на все увеличивающиеся государственные инвестиции "государственно-монополистическое регулирование ... не в состоянии обуздать стихийные силы капиталистического рынка.

В условиях господства монополий это ведет к воспроизводству социальных антагонизмов в еще больших масштабах и с еще большей остротой".⁴⁷

Литература

1. Friedrich O. Sozialpolitik als Stabilitäts und Wachstumsfaktor. "Wirtschaftsdienst", Hamburg, 1971, Nr. 4, S. 197.
2. Mitbestimmung als Kampfaufgabe. Grundlagen - Möglichkeiten - Zielrichtungen. Eine theoretische, ideologiekritische und empirische Untersuchung zur Mitbestimmungsfrage in der Bundesrepublik. Köln, 1971, S. 37.
3. Reden des Düsseldorfer Parteitag der DKP. Düsseldorf, G.J., S. 7.
4. "Gewerkschaftliche Monatshefte", 1970, Nr. 1, S. 8.
5. Schmidt R. Wirtschaftspolitik und Verfassung. Baden-Baden, 1971, S. 198.
6. "Handelsblatt - Industriekurier", 1973, Nr. 14.

7. Mitbestimmung im Unternehmen . Deutscher Bundestag 6. Wahlperiode, Drucksache YI/334. Bonn, den 4. Februar 1970.
8. Protokoll der Verhandlungen des Ausserordentlichen Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands vom 13. bis 15. November 1959 in Bad Godesberg. Hannover - Bonn, 1959, S. 22.
9. "Capital. Das deutsche Wirtschaftsmagazin", Hamburg, 1973, Nr. 1, S. 11.
10. Scheel W. Nicht ausklammern . "Die Zeit", 1973, Nr. 7.
11. "Die Zeit", 1973, Nr. 7.
12. "Welt der Arbeit", 1968, 15. II.
13. См. "Проблемы мира и социализма", 1966, № II, с. 22.
14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 32, с. 240.
15. Там же, т. 30, с. 71.
16. Mitbestimmung als Kampfaufgabe. Grundlagen - Möglichkeiten - Zielrichtungen. Eine theoretische, ideologiekritische und empirische Untersuchung zur Mitbestimmungsfrage in der Bundesrepublik. Köln, 1971, S. 14.
17. Ebenda, S. 34.
18. Handbuch für Arbeiter und Angestellte zur betrieblichen und gesellschaftlichen Praxis . Frankfurt am Main, o.J., S. 69 - 70.
19. Mitbestimmung: "Weder ja noch nein sagen". - "Der Spiegel", 1973, Nr. 4, S. 26.

20. "Gewerkschaftliche Monatshefte", 1970, Nr. 1, S.1.
21. Источники: "Gewerkschaftsspiegel", W-Berlin, 1969, Nr. 5;
Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран, М., 1972;
"Мировая Экономика и Международные Отношения", 1973, № 3.
22. "Handelsblatt - Industriekurier", 1973, Nr. 15.
23. Drittes Vermögensbildungsgesetz vom 27.6.1970 .
BGBI, I, S. 930.
24. "Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung", 1972, Nr. 125, S. 1551.
25. "Welt der Arbeit", 1970, 17.IV;
"Das Parlament", 1973, Beilage Nr. 4, S. 10.
26. "Der Spiegel", 1969, 28.VII, S. 44.
27. "МЭ и МО", 1973, № 2, с. 35.
28. "Der Spiegel", 1972, Nr. 19.
29. "Правда", 1972, 17 ОКТ.
30. "Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung", 1972, Nr. 101.
31. "Der Spiegel", 1973, Nr. 2.
32. "Stuttgarter Zeitung", 1973, Nr. 7.
33. "IPW Berichte", 1972, Nr. 6, S. 46.
34. "Handelsblatt-Industriekurier", 1973, Nr. 3/4.
35. "Berichte des Deutschen Industrieinstituts zur Sozialpolitik", Köln, 1972, Nr. 2, S. 50.
36. "Stuttgarter Zeitung", 1972, 12. VII.

37. Klee E. Gestarbeiter. Analysen und Berichte.
Frankfurt a.M., 1972, S. 31.
38. "Handelsblatt - Industriekurier", 1973, Nr. 3/4.
39. "Bulletin des Presse - und Informationsamtes der
Bundesregierung", Bonn, 1972, Nr.
101, S. 1339.
40. "Frankfurter Rundschau", 1972, 19. IV.
41. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24, с. 89.
42. Там же, с. 89.
43. Wahlprogramm der SPD. Dortmund, 1972, S. 27.
44. "Neues Deutschland", 1973, 16. III.
45. "Bulletin des Presse - und Informationsamtes der
Bundesregierung", Bonn, 1970, Nr.
132, S. 1374.
46. Afheld H. Infrastrukturbedarf bis 1980. Stuttgart-
W.Berlin, Köln - Mainz, 1967, S. 56.
47. Международное Собрание коммунистических и рабочих
партий. Документы и материалы. М.,
1969, с. 297.

А. КЛАУС

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
В ФРГ И БУРЖУАЗНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

В 60-х годах ФРГ вступила в полосу интенсивных структурных преобразований. В ходе этих преобразований произошли заметные сдвиги в распределении самостоятельного населения по сферам народного хозяйства, в отраслевой структуре материального производства, в темпах и пропорциях воспроизводства общественного продукта. В условиях глубокого политического, социального и экономического кризиса, в котором оказался западногерманский капитализм в середине 60-х годов, ФРГ предстояло решить ряд неутраченных и чрезвычайно сложных задач, поставленных самим ходом развития производительных сил, научно-техническим прогрессом и требованиями мирового рынка.

Перед лицом многочисленных проблем, которых не смогла решить экономическая политика, проводимая боннским государством в 50-е годы, финансовый капитал ФРГ решается на более активное использование государственной машины для регулирования экономики.

Коалиционное правительство, в котором участвовали наряду с представителями ХДС/ХСС и социал-демократы, начало с 1966 года проводить существенные изменения в государственной экономической политике. В то время пост министра хозяйства занял социал-демократ профессор К. Шиллер, а министра финансов - председатель ХСС Ф. И. Траус.

Теоретики ХДС/ХСС считали, что в "рыночном хозяйстве" с её основой - капиталистической конкуренцией - ре-

гулирование экономических процессов должен осуществлять рынок "посредством механизма свободных цен", а задача государства - в законодательном порядке гарантировать этот инструмент от "искажающих тенденций". Социал-демократы призывали на помощь механизму свободной конкуренции государство, и только "тройная комбинация рыночного хозяйства, денежного фискального глобального управления и социальной политики оказывается именно тем решением, которое находится на уровне времени".¹ Теоретики ХДС/ХСС утверждали, что план вообще не совместим с принципами "социального рыночного хозяйства, ибо плохо ставить два типа хозяйства одно возле другого".² Социал-демократы придерживались другого мнения: хотя "конкуренция есть и остается решающей движущей силой экономической динамики как роста, так и стабильности",³ однако в современных условиях "конкуренция - не единственное условие успешного экономического развития. Для этого нужна хорошая экономическая политика, основой которой может быть "ориентирующий план".⁴

Но после экономического кризиса 1966/67 гг. и ХДС/ХСС не могла дальше придерживаться своих традиционных взглядов. Уже в первом правительственном заявлении от 13 декабря 1966 года федеральный канцлер и председатель ХДС/ХСС Кизингер заверил, что его правительство будет осуществлять более гибкую и маневренную бюджетную политику, чем во времена Аденауэра и Эрхарда. Задача экономической политики, по мнению канцлера, заключалась в обеспечении оптимальных темпов роста и высокого уровня занятости. Для этого необходима экономическая политика, ориентированная на стабилизацию.

Кизингер особо подчеркнул, что в будущем необходимо разрабатывать на долгий срок и согласовывать как общие принципы общеэкономической и финансовой политики, так и отдельные мероприятия в области социальной, структурной и региональной политики.

Таким образом, программное заявление правительства Кизингера показало, что ХДС/ХСС в сотрудничестве с СДПГ предлагало в более широких масштабах, чем когда-либо раньше осуществлять вмешательство государства в сферу экономики.

В результате выборов в Западной Германии осенью 1969 года было образовано правительство коалиции СДПГ - СвДП во главе с представителями СДПГ.

В области экономической политики смена правительства означала укрепление позиций сторонников использования новых методов регулирования хозяйства. В правительственном заявлении 28 октября 1969 года канцлер ФРГ В.Брандт, говоря о дальнейшем превращении ФРГ в "социально-правовое государство", отмечал, что его правительству "досталось трудное наследство в области экономической политики", что "накопление имущества широкими слоями, и прежде всего рабочими, является совершенно недостаточным". Он выступал за "безотказно действующую рыночную экономику", за "стабилизацию без застоя". Для этого предполагалось претворить в жизнь довольно обширную программу мероприятий. Наиболее важное место в объявленной программе занимали вопросы ликвидации отсталости инфраструктуры, особенно в области образования и науки.

Монополистические верхи положительно оценили экономическую программу СДПГ, которая сводилась к "умеренному дирижизму", т.е. к государственному стимулированию структурной перестройки хозяйства, к поощрению новых отраслей, "запущенных" при правлении ХДС/ХСС.

В 1970-72 гг. часть представителей буржуазии стала активно выступать против регламентирующих мероприятий государства. Наиболее последовательные противники экономической политики нынешнего правительства находятся в рядах ХДС/ХСС. По их мнению, государство в настоящее время чрезмерно вмешивается в экономическую жизнь, в результате чего нарушаются традиционные принципы свободной рыночной эконо-

мики. Так, например, Р. Баргэль заявил, что "правительство все больше сползает на путь дирижизма, при этом не добиваясь до сути истинных причин ошибочного развития". И добавил, что "социальное рыночное хозяйство должно вернуться к той свободе, которая была при Людвиге Эрхарде..."⁵

Позиция христианских демократов была четко сформулирована на происходившем в июне 1971 г. экономическом конгрессе ХДС/ХСС. Главное внимание в реферате Ф.И. Штрауса было уделено контроверзе между рыночным хозяйством и дирижизмом.⁶ Участники конгресса в своих выступлениях резко высказывались против основных аспектов экономической политики СДП.

Однако, значительная часть монополий пока позитивно относится к экономической политике теперешнего правительства.

Государственно-монополистический капитализм предъявляет все более широкие требования к теории, нуждаясь в рецептах экономической политики, в разработке ее средств и методов. В настоящее время в ФРГ нет ни одной буржуазной партии, которая в борьбе за власть не выдвигала бы на первый план свою экономическую и социальную программу, нуждающуюся в "научнообразном" обосновании. Всем этим и объясняется возросшее внимание экономистов ФРГ к теориям экономической политики.

В обширной и непрерывно пополняющейся западногерманской литературе, посвященной вопросам экономической политики, особенно отчетливо проявляются две главные функции, которые выполняет современная буржуазная политическая экономия: функция идеологическая, состоящая в защите, восхвалении существующего строя, в оправдании эксплуатации, господстве монополий, милитаризма, в попытках опорочения марксизма-ленинизма и социализма, и функция практическая, связанная с разработкой и обоснованием экономической политики империалистического государства, с подготовкой

практических предложений по поддержанию устоев капитализма. Обе функции буржуазной политической экономии тесно связаны между собой. Их объединяет одна общая цель - поиски выхода из трудностей, противоречий капитализма.

Исходные положения для оценки буржуазных теорий и практических предложений экономистов в области политики даны в работах классиков марксизма-ленинизма.

В.И. Ленин отмечал, что буржуазные экономисты способны давать ценные работы в области фактических, специальных исследований, без которых нельзя обойтись при анализе капитализма. В то же время он подчеркивал, что буржуазным экономистам "нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя - такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов... Задача марксистов... уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов".⁷

В современную эпоху в связи с ростом государственно-монополистического капитализма возросла роль экономической политики. Это оказывает большое влияние на экономическую теорию.

Проявилась следующая двухсторонняя связь: во-первых, усилилось воздействие буржуазной политической экономии на экономическую политику. В настоящее время экономическая политика разрабатывается не только представителями деловых кругов и государственными деятелями. Все возрастающую роль в этом играют теоретические концепции, разработки исследовательских центров, деятельность научных работников и советников. Ученые - экономисты предлагают различные методы регулирования экономики и составления прогнозов, пытаются выяснить результаты экономической политики в целях обоснования более эффективных мер в области хозяйствования.

Во-вторых, теоретические труды буржуазных экономистов нередко представляют собой обобщение и оправдание осуществляемой экономической политики. Небезинтересно отметить, что учрежденная в 1950 году Ассоциация западногерманских научно-исследовательских институтов объединила 26 важных исследовательских центров, которые ведут практические изыскания в области экономической политики, осуществляют широкие исследования, предоставляют в распоряжение государственного аппарата исходные данные для хозяйственно-политических мероприятий.⁸ "Благодаря их исследовательским работам и экспертным заключениям, на научно-исследовательские экономические институты стали для Федерального министерства хозяйства важным источником расширения исходного материала для суждения о многих экономических проблемах, с которыми приходится сталкиваться руководству министерства".⁹

В формировании экономической политики определенную роль играет Общество экономических и социальных наук (Союз социальной политики), в собраниях которого обсуждаются многие из самых актуальных вопросов теории и практики экономической деятельности государства. Так, в 1962 году объектом дискуссии были структурные процессы в экономике ФРГ (содержание прочитанных рефератов и выступлений было отображено в пространным двухтомнике "Структурные изменения в растущем хозяйстве", вышедшем в 1964 году).¹⁰ На этом собрании профессор Гейдельбергского университета Гельмут Мейнгольд прочел обширный реферат: "Структурные сдвиги как проблема экономической политики", в котором рассматривались возможности государства регулировать пропорции народного хозяйства.

В Обществе экономических и социальных наук в 1966 году обсуждались проблемы капиталистической планификации,¹¹ а осенью 1970 года - цели, задачи и содержание экономической политики в области инфраструктуры. В

связи с этим был выпущен в 1971 году сборник статей под названием: "Теория и практика инфраструктурной политики".¹² В 1962 и 1967 гг. собрания Общества были посвящены взаимосвязи экономической теории и практической экономической политики. Нередко на собраниях Общества высказываются конкретные предложения по тем или иным вопросам экономической деятельности государств. Работа этих собраний получает широкую огласку в буржуазной печати, в них принимают участие официальные представители администрации.

В послевоенный период господствующим направлением в буржуазной политэкономии ФРГ был неолиберализм. Неолиберальную теорию "свободного и социального рыночного хозяйства" официально провозгласили основой государственной экономической политики. Неолиберализму характерно утверждение о решающей роли рыночного механизма, который автоматически обеспечивает необходимые пропорции и устойчивость экономики. Видный теоретик западногерманского неолиберализма В.Ойкен сформулировал ряд принципов, образующих, по его мнению, основу "социального рыночного хозяйства". К ним относятся:

1) принцип открытых рынков, т.е. обеспечение свободной капиталистической конкуренции, которая не должна ограничиваться никакой монополией;

2) принцип свободы сделки, т.е. каждый предприниматель имеет право продавать свои изделия, кому хочет, и покупать необходимые ему товары, у кого он хочет;

3) принцип частной собственности: частная собственность на средства производства рассматривается как важнейшее условие конкуренции, свободы сделки, без которых невозможно никакое "социальное рыночное хозяйство";

4) принцип ответственности: каждый предприниматель должен полностью отвечать за свою хозяйственную деятельность. По Ойкену, эта ответственность может осуществ-

вляться только тогда, когда существует частная собственность на средства производства.

По мысли Ойкена, задачей государства является охрана осуществления этих принципов.¹³

Указывая на тот факт, что "социальное рыночное хозяйство" невозможно без свободы конкуренции, механизма свободных цен, игры спроса и предложения, т.е. без так называемого автоматического действия капиталистического механизма, неолибералы в тоже время вынуждены признать, что действие одних лишь внутренних импульсов свободного предпринимательства недостаточно для нормального развития современной капиталистической экономики. Неолибералы в отличие от либералов признавали необходимость в определенных границах государственного вмешательства в экономику.

Один из теоретиков неолиберализма, автор термина "социальное рыночное хозяйство" А.Мюллер-Армак заявил, "что для длительного существования рыночного хозяйства необходимо наличие элементов централизованного регулирования. Оно складывается из государственных мероприятий по созданию и сохранению конкурентного хозяйства. Основные положения социального рыночного хозяйства в области экономической политики не связаны с отказом от активного руководства. ... Социальное рыночное хозяйство не является исключительно теорией конкуренции... оно стремится к координации между рынком и государством..."¹⁴

В теоретических построениях В.Ойкена и его последователей не было отведено места для такого вида государственного вмешательства как структурная политика.¹⁵ Развитие отраслевой структуры хозяйства, по их мнению, должно определяться конкуренцией. Но это не мешало тому, чтобы приносить в жертву ее принципы в тех случаях, когда того требовали общие интересы монополитического капитализма. Представители неолиберализма поистине разыгрывали "совсем иной спектакль, чем тот, который фактически исполнялся на

сцене западногерманской экономики",¹⁶ "... часто идеалы неоллиберализма не совпадали с практикой правительства".¹⁷

В 1967 году А. Мюллер-Армак в статье "Самое подходящее время для активной структурной политики" уже заявил: "Мы вступаем в новую фазу экономического развития. После двух десятилетий подъема мы стали перед проблемой структурного урегулирования, т.е. перед проблемой, которая раньше не стояла перед нами".¹⁸ Как видно, во взглядах основоположника концепции "социального рыночного хозяйства" произошла весьма серьезная перемена.

Реальные условия дальнейшего развития экономики ФРГ все более ясно демонстрировали неосостоятельность неоллиберализма, его непригодность в качестве основы для составления программы экономической политики. Теория неоллиберализма, которая резко ограничивает вмешательство государства в хозяйство, пришла в противоречие с основными требованиями, предъявляемыми монополистическим капиталом, несоответствовала задаче обеспечения экономического роста.¹⁹

С конца 50-х годов все настойчивее выдвигалось требование придать "политике рыночного хозяйства, во имя его сохранения в будущем, дополнительно планово-хозяйственные функции".²⁰ Критикуя воззрения нелибералов на экономическую политику, К. Ул пишет, что "хозяйство, оставленное во власти свободной игры рыночных сил, не может справиться с экономическими и социальными проблемами. К такому выводу толкает нас накопленный опыт прошлого и новейших событий. Ныне экономика связана с общей политикой слишком тесно, чтобы мы могли бы отказаться от регулирующего вмешательства".²¹

Изменение экономических условий в стране потребовало изменения позиции западногерманских экономистов по отношению к кейнсианству. Назрел момент для перехода "от наивного к свободному от предрассудков рыночному хозяйству",²² настало время возвышения учения Кейнса в качестве

"генеральной теории в Западной Германии".²³

В то же время стали раздаваться голоса о разумном синтезе положений неолибералов и Кейнса. Представители не-олиберализма указывали на то, что теперь, по их мнению, народное хозяйство нуждается в активной конъюнктурной политике и политике роста. Как утверждает в своем исследовании Е.Бейфус, "представители социального рыночного хозяйства нашли синтез взглядов Ойкена и Кейнса уже задолго перед тем, как пал Эрхард".²⁴

Руководящий социал-демократический теоретик, бывший министр хозяйства и финансов К.Шиллер, тоже выступал за "синтез неолиберальной теории рыночного хозяйства (регулирование микроэкономических отношений) с кейнсианской политикой (регулирование макроэкономических величин)".²⁵ Он уже с 50-х годов проповедует принцип "Конкуренция - на - сколько возможно, плачирование - насколько необходимо".²⁶

Следовательно, речь идет о переходе от неолиберализма к некейнсианству как в официально проводимой экономической политике, так и в области экономической мысли. При сохранении еще достаточно прочного положения за неолибералами в определении путей экономического развития и методов их реализации все большую роль теперь играют последователи Кейнса.²⁷

Характерно, что экономическая программа западно-германской социал-демократии на 70-ые годы, которая была обнародована на партийном съезде в Саарбрюкене, представляет собой смесь некейнсианских концепций, неолиберальных воззрений Ойкена и технократических идей американца Гелбрейта.²⁸ Такой же эклектизм наблюдается и в теориях структурной политики. Здесь существуют разные теоретические концепции, отражающие специфические интересы различных социальных слоев, но каждая из них ставит перед собой почти одну и ту же цель.

Большинство западногерманских экономистов непо-

средственно связывают необходимость структурной политики с проблемой экономического роста. "Политика роста является всегда структурной политикой."²⁹ "Долгосрочная политика роста в то же время есть и структурная политика. Эта долгосрочная политика роста должна быть ориентирована прежде всего на стимулирование спонтанных сдвигов в рыночном хозяйстве и не должна тормозить их",³⁰ - подчеркивал в одной из своих речей К.Шиллер.

Развитие экономики в современных условиях связано с изменением положения отраслей в национальном хозяйстве страны и наоборот: сдвиги в структуре во многом предопределяют величину темпов роста. "Когда в ходе исторического развития народное хозяйство растет, оно меняется подобно организму, нередко изменяются и ее составные части, структура".³¹

Под структурой хозяйства буржуазными экономистами понимается "соотношение составных частей целого", "дислокация факторов производства".³² Здесь уместно отметить, что общетеоретической основой исследований западногерманских экономистов является вульгарная теория "трех факторов производства", у истоков которой стоял Ж.-Б.Сей.

Эта концепция легла в основу официальной правительственной программы структурной политики, в которой подчеркнуто, что одним из важнейших целей структурной политики является - повышение "мобильности факторов производства".

Рассматривая необходимость структурной политики, одни западногерманские теоретики предполагают, что при высоких темпах роста экономики, многие проблемы, связанные со структурными сдвигами, разрешаются, так сказать, сами по себе, без активного вмешательства государства.³³

Другие экономисты, как, например, члены Совета экономических экспертов - В.Бауэр, П.Биндер, Г.Гирш, Х.Кох и В.Штютцель, высказываются за то, чтобы и в услови-

ях высокой деловой активности, когда достигнута значительная степень занятости самодеятельного населения, и когда на дальнейший рост хозяйства спрос не оказывает должное влияние, политика роста была бы структурной политикой, направленной на совершенствование отраслевой структуры и квалификации рабочей силы.³⁴

Как уже было показано выше, западногерманская экономика к началу 1960-х годов встретила с серьезными трудностями. Тут и там возникли "излишние мощности" (Überkapazität) одновременно с "узкими местами" (Engpässe). Ряд производств затронули "структурные кризисы". Некоторые буржуазные теоретики поспешили провозгласить связанные с этим экономические и социальные трудности не только закономерным результатом быстрого развития, но и своего рода показателем процветания. "Чем быстрее экономический рост, тем больше случайностей. Именно богатая страна переживает больше кризисов, чем бедная... Федеративная республика - богатая страна и поэтому уже несколько лет переживает отраслевые кризисы,³⁵ - пишет П. Бернхольц. Г. Бомбах считает, что в наши дни "классических циклов"³⁶ конъюнктуры сменил ряд отраслевых циклов. Факты опровергли эти утверждения. Циклический кризис перепроизводства 1966-1967 гг. в ФРГ сочетался с углублением структурных кризисов в ряде отраслей.

Относительно содержания структурной политики существуют разные мнения. Видный западногерманский теоретик Ф. В. Дерге в своей книге "Структурная политика - куда?" рассматривает три концепции структурной политики.³⁷ Экономисты, представляющие первую концепцию стоят за структурную политику в форме государственной поддержки отстающих отраслей. Они выражают интересы предпринимателей старых отраслей, мелких торговцев и крестьян, которые видят в структурных сдвигах угрозу своему существованию и скорее согласны на замедление экономического роста, чем на изме-

нение существующего положения. К этому направлению структурной политики примыкает большинство неолибералов.

Представители второй концепции считают, что структурная политика должна идти по пути приспособления отраслей к изменяющимся условиям. Х.Ков излагает позиции сторонников этой концепции следующим образом: "В условиях рыночного хозяйства задачи помощи в приспособлении можно понять только так, что они поддерживают и усиливают естественные тенденции рынка для ускорения перехода на новые рубежи конкуренции. При этом государство не выдвигает никаких автономных целей для отраслей, не представляет предпринимателям никаких гарантий. Речь не идет о государственном планировании структуры хозяйства в перспективе, а о поддержке с помощью рынка тенденций, которые должны облегчать и ускорить структурные сдвиги".³⁸ Подобную позицию в отношении структурной политики занимает В.Гут³⁹, О.Шлехт⁴⁰, В.Хамм⁴¹ и Б.Молитор⁴², которые также требуют от государства предоставление всем отраслям равных "стартовых" условий, с тем, чтобы дальше отрасли могли развиваться самостоятельно в рамках рыночной конкуренции. Государству разрешается содействовать только тем изменениям, которые происходят в результате действия спонтанных рыночных сил, чтобы таким образом способствовать развитию экономики. Сторонники этой концепции, по мнению Ф.В.Дерге - предприниматели растущих отраслей, банкиры, ученые и политики, в большинстве случаев относящиеся к неолибералам. Данную концепцию структурной политики в бундестаге защищают представители фракций ХДС/ХСС и свободных демократов.⁴³

Если первое направление выступает за замедленный, а второе за беспрепятственный рост экономики, то третье направление структурной политики связано с активным формированием современной структуры на основе "научного" подхода. Хотя конкуренция при этом не исключается, но госу -

дарству придается роль активного регулятора. Большие задачи возлагаются на государство по развитию инфраструктуры и других областей хозяйства, "... где регулирующая сила рынка ничтожна и где нужно долгосрочное перспективное планирование":⁴⁴

Экономисты этого направления подчеркивают, что при составлении программ по изменению отраслевой структуры необходимо выбрать ведущие отрасли, которым должно быть отдано предпочтение, средства обеспечения инвестиций, которые должны поощряться, а также определить характер и степень необходимого сокращения производства в "затухающих" отраслях. Распространение же привилегий на все хозяйство, на все отрасли, или на их значительную часть делает, по их мнению, весь механизм обеспечения неэффективным и бессмысленным, лишая его основного движущего принципа - селективности поощрения. "Структурная политика по существу является селективной политикой. В отличие от конъюнктурной политики, которая пытается повлиять на уровень общеэкономических агрегатных величин, структурная политика направлена по большей части на регулирование пропорций внутри этих агрегатов, стимулируя одни и тормозя другие отрасли.... Структурная политика, которая не селективна, является политикой сохранения устаревшей структуры",⁴⁵ пишет Христа Тобен.

Виднейшими представителями этого направления являются Х.Гирш,⁴⁶ Э.Шнейдер,⁴⁷ Г.Зейденфус⁴⁸ и частично Ф. В.Дерга.⁴⁹⁾

В разных концепциях буржуазной теории структурной политики в ФРГ проявляются разные подходы к защите интересов монополистического капитализма. Подход экономистов, которые требуют активного вмешательства в структурные процессы, отражает более глубокое понимание противоречий капиталистического общества, он более окрашен идеями буржуазного реформизма, усматривающего в реформах и ограничениях

кратковременных интересов монополистического капитализма сохранение общих условий существования капиталистического общества в целом. У приверженцев политики сохранения старых структур наблюдается более узкий подход к решению проблем.

Усматривая в структурной политике важное оружие своей стратегии в современных условиях, господствующие круги в то же время относятся к этому оружию не без известной опаски. В наиболее резкой форме опасения высказываются противниками структурной политики как таковой.⁵⁰ Крайне консервативно настроенные неоллибералы заявляли прямо: "Структурная политика есть планирование, а ошибки централизованного планирования намного опаснее ошибок и заблуждений предпринимателей".⁵¹

По словам В.Гута, некоторые западногерманские либералы в структурной политике видят только "тронского коня, с помощью которого плановики пробуют захватить рыночно-хозяйственные позиции изнутри. Им структурная политика кажется такой же подозрительной, как глобальное регулирование".⁵²

Противники государственного вмешательства в структурные процессы подчеркивают "идеологический аспект" проблемы: структурная политика чрезвычайно выпукло показывает неспособности частной собственности справиться с теми задачами, которые поставлены современным развитием производительных сил, техники и экономики, ибо структурная политика означает, что хозяйственные решения уходят из рук частного предпринимательства.

Что касается сторонников и защитников структурной политики, то они, естественно, озабочены тем, чтобы представить ее как вполне законное дитя существующей системы. Социалдемократические теоретики Х.Ризе, В.Боркел и К.Донаний считают, что "структурная политика только тогда возможна, когда государство прямо вмешивается в механизм рын-

ка".⁵³ Но тут же они подчеркивают, что это вмешательство не должно быть постоянным. Защитники структурной политики несколько иного толка, например, неоллиберал В.Гут пишет, что "задача структурной политики - дополнить или скорректировать конкуренцию там, где рыночное хозяйство оказывается несовершенным".⁵⁴ По его мнению, рыночное хозяйство несколько не мешает прогрессивным изменениям, напротив, оно становится "методом структурных сдвигов". Структурная политика, чтобы она не парализовала "предпринимательскую инициативу - движущую силу рыночного хозяйства", должна ограничить свое поле действий инфраструктурой. К нему присоединяется О.Шлехт, который допускает право структурной политики регулировать только те области рыночного хозяйства, которые важны для технического прогресса и экономического роста: "структурная политика вмешивается в конкуренцию сегодня, чтобы обеспечить конкуренцию завтра".⁵⁵ К.Шиллер, отвергая критику противников структурной политики в бундестаге, пояснял: "Федеральное правительство считает, что структурная политика, направленная против рынка, ... не только угрожала бы стабильности цен, но и принесла бы тяжелый урон экономическому росту. Структурная политика должна быть в первую очередь направлена на обеспечение и поощрение повышения способности функционирования рыночно-хозяйственных процессов".⁵⁶ Иначе, по словам К.Шиллера, структурная политика превратится в "целенаправленные мероприятия", в "систематически осуществляемый дирижизм", при этом нет намерения иметь такую "слишком расширенную, или деформированную структурную политику".⁵⁷

Как видно, не только противники, но и защитники структурной политики беспокоятся, не будет ли она ограничивать пресловутую частную инициативу и призывают четко соблюдать "границу, которую не следует переходить".

В дебатах буржуазных теоретиков вокруг проблем структурной политики нередко преобладает идеалистическая

трактовка исторических и экономических процессов. Дело обычно представляется таким образом, что все трудности, с которыми сталкивается ныне западногерманская экономика, происходят от несовершенства экономической политики прежних правительств. Стоит только теперешнему правительству исполнить предложения теоретиков, осознать погубность чрезмерного либерализма "социального рыночного хозяйства" и встать на путь активной структурной политики, как все трудности будут устранены.

Между тем в действительности растущее вмешательство буржуазного государства в экономические процессы, появление такого нового направления в экономической политике как структурная политика не результат внедрения какой-то новой теории экономистов, а прежде всего следствие объективных требований и противоречий развития производительных сил в узких рамках экономических отношений капитализма. Дело не в изменении приверженности к неолиберальной концепции социального рыночного хозяйства или в отсутствии активной, долгосрочной экономической политики буржуазного государства, а в коренных свойствах капиталистического способа производства, устранить которые не в состоянии никакая экономическая политика, в том числе и структурная.

Буржуазные экономисты всех направлений стараются замаскировать классовую сущность экономической политики демагогическими декларациями относительно якобы "общенациональных" целей. Функцию экономической политики они изображают как внеклассовую деятельность государства, будто бы стоящего над классами и заботящегося о "всеобщем благе".⁵⁸ Но это миф-пустоцвет. В качестве субъекта экономической политики выступает классовое буржуазное государство как единственный орган, представляющий монополистическую буржуазию в целом и выступающий как исполнительный комитет

господствующей финансовой олигархии. Поэтому экономическая политика призвана обслуживать не интересы общества в целом, не общенациональные интересы, а интересы эксплуататорского класса, в первую очередь монополистической буржуазии.

Структурная политика как новая составная часть экономической деятельности государства обусловлена прежде всего стратегическими задачами монополистической буржуазии во внутренней политике, которая теперь все более определяется длительными интересами, долгосрочными целями правящего класса, стремящегося сохранить свое господство, предотвратить или ослабить социальные конфликты.

Но стратегические установки буржуазных экономистов в экономической политике, если рассматривать их в перспективе, неизбежно обречены на банкротство, так как цель — сохранить отживший общественный строй, не допустить замены его социализмом и коммунизмом — неосуществима. Поэтому рекомендация в экономической политике, в том числе и советы по регулированию отраслевой структуры хозяйства, выдвигаемые буржуазной политической экономией, способны обеспечить решение только частных проблем. Нет таких рекомендаций, которые могли бы спасти капиталистический строй, вся внутренняя динамика которого ходом объективных экономических законов направлена на дальнейшую подготовку материальных и социальных предпосылок для перехода к социализму.

Литература и примечания

1. Schiller K. Der Ökonom und die Gesellschaft. Stuttgart, 1964, S. 225-226.
2. "Europäische Wirtschaft", 1962, Heft 23/24, S. 292.
3. "Neue Züricher Zeitung", 1967, 9. Febr.
4. Schiller K. Der Ökonom..., S. 226.
5. "Handelsblatt-Industriekurier", 1970, 6/7, Nov., S. 3.
6. Ibidem, 1971, 25/26, Jun., S. 3.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.18. с. 363-364.
8. Baade Fr. Der Einfluss der Wirtschaftsforschung auf die Wirtschaftspolitik in Deutschland in den letzten 53 Jahren. - In: Interpendenzen von Politik und Wirtschaft. Berlin, 1967, S. 317, 332.
9. Probleme der Normativen Ökonomik und der Wirtschaftspolitischen Beratung. Berlin, 1963, S. 335.
10. Strukturwandlungen einer wachsenden Wirtschaft. Berlin, 1964, Bd. 1, 2.
11. Rationale Wirtschaftspolitik und Planung in der Wirtschaft von heute. Berlin, 1967.
12. Theorie und Praxis der Infrastrukturpolitik. Berlin, 1970.
13. Eucken W. Grundsätze der Wirtschaftspolitik. Tübingen-Zürich, 1955, S. 254 - 289.
14. Müller-Armack A. Wirtschaftsordnung und Wirtschaftspolitik. Studien und Konzepte zur Sozialen Marktwirtschaft und zur Europäischen Integration. Freiburg im Breisgau, 1966, ff. 239, 297.

15. Структурная политика, как составная часть экономической политики, включает в себя комплекс экономических, административных, законодательных мероприятий, направленных на изменение качественной структуры и количественных пропорций общественного производства в интересах империалистической буржуазии.
16. Noll-Breuning O. Neoliberalismus und katholische Soziallehre. - In: Boarman P.M. Der Christ und die soziale Marktwirtschaft, Stuttgart, Köln 1955, S. 108.
17. G. ersch H. Allgemeine Wirtschaftspolitik. Wiesbaden, 1960, Bd. 1, S. 186.
18. Müller-Armack A. Höchste Zeit für aktive Strukturpolitik. - "Die Welt", 1967, 11. Mai.
19. Котов В. Проблема экономического роста в буржуазной политэкономии ФГ. - "Мировая экономика и международные отношения." 1967, № 2, с. 64.
20. Swart-Sporck P. Marktwirtschaftspolitik mit neuen Akzent. - "Der Volksdiert", 1959, 7. März, S. 399.
21. Uhl K. Aspekte der Wirtschaftspolitik. Frankfurt a. M.-Berlin-Bonn-München, 1968, S. 8.
22. Ehrenberg H. Von naiven zur aufgeklärten Marktwirtschaft. - "Die neue Gesellschaft", 1969, Nr. 2, S. 83.
23. Schiller K. Marktwirtschaft und Globalsteuerung. - In: Reden zur Wirtschaftspolitik I, Texte des Bundesministers für Wirtschaft.
24. Beyfuss J. Die neue Wirtschaftspolitik. Konzeption und Kritik. - In: Beiträge des deutschen Industrieinstituts, Köln, 1969, Heft 3, S. 12.

25. "Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung." 1967, Nr. 66, S. 563.
26. Schiller K. Sozialismus und Wettbewerb. - In: Grundfragen moderner Wirtschaftspolitik, Frankfurt a.M., O.J., S. 249.
27. Макаренко Л. Переход от неолиберализма к неокейнсианству в ФРГ. -- В кн.: Государственно-монополистический капитализм, Экономические проблемы. М., 1971, с. 223-224.
28. Parteitag der SPD. Stenogramm, unkorrigiertes Protokoll, 11-14. Mai, 1970.
29. Riese H., Borkel W., Dohmanyi K. Das Sozialprodukt. Aussichten und Bedingungen des wirtschaftlichen Wachstum. - In: Deutschland 1975. Analysen, Prognosen, Perspektiven. München, 1965, S. 58.
30. Schiller K. Der Strukturpolitik der Bundesregierung. - "Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung", 1968, Nr. 10, S. 72.
31. Niehans J. Strukturwandlungen als Wachstumsprobleme. - In: Strukturwandlungen einer wachsenden Wirtschaft, Bd. 1, S. 18.
32. Ibidem, S. 19, 20.
33. Schiller K. Der Ökonom und die Gesellschaft, S. 81-82; Tuchtfeldt E. Engpässe und Überkapazitäten als Problem der Strukturpolitik. - In: Methoden und Probleme des Wirtschaftspolitik, Berlin, 1964, S. 105.
34. Sachverständigenrat zur Begutachtung der gesamtwirtschaftlichen Entwicklung. Jahresgutachten

- 1967, Deutscher Bundestag, 5. Wahlperiode, Drucksache V/2310, den 23. Nov. 1967. S. 144.
35. Bernholz P. Wie eine Branchenkrise entsteht? - "Der Volkswirt". 1962, Nr. 14.
36. Bombach G. Der Strukturbegriff in der Ökonomie. - In: Strukturwandlungen einer wachsenden Wirtschaft, Bd. 1, S. 12.
37. Dörge F.-W. Strukturpolitik wohin? Erhalten - Anpassen - Gestalten? Opladen, 1968.
38. Kohn H. Sektorale Strukturpolitik ist notwendig. - In: "Wirtschaftsdienst", 1967, Nr. 2, S. 88.
39. Guth W. Wettbewerb und Strukturpolitik. - In: Wirtschaft im Wandel, Düsseldorf-Wien, 1967, S. 113, 119.
40. Schlecht O. Strukturpolitik in der Marktwirtschaft. Köln-Berlin/München, 1968, S. 16-17.
41. Hamm W. Schwächen einer unkoordinierten Branchenpolitik. - In: ORDO. Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft, Düsseldorf-München, 1968, Bd 19, S. 85-86.
42. Molitor B. Sektorale Einkommensverteilung und Wirtschaftspolitik. Die Problematik der Branchenschutzpolitik. - In: Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik, Tübingen, 12. Jahr (1967), S. 98, 112.
43. Dörge F.-D. Strukturpolitik wohin?..., S. 56.
44. Ibidem, S. 57.
45. Taoben Ch. Auswahlkriterien einer sektoralen Strukturpolitik. - "Mitteilung des Rheinisch-Westfälischen Instituts für Wirtschaftsforschung", 1969, Heft 2.

46. Giersch H. Aufgaben der Strukturpolitik. -In: Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik, Tübingen, 9.Jahr (1964), S. 61-64, 87.
47. Rationale Wirtschaftspolitik und Planung in Wirtschaft von heute, S. 3 - 4.
48. Seidenfus H. Sektorale Wirtschaftspolitik. - In: Kompendium der Volkswirtschaftslehre, Bd. 2, Göttingen, 1968, S. 290 ff.
49. Dörge F.-W. Strukturpolitik in der wachsenden Wirtschaft. - In: Wirtschaftsordnung und Strukturpolitik, Opladen, 1970, S. 47 ff.
50. Krüger A. Das wirtschaftspolitische Instrumentarium. Berlin, 1967.
51. Hauenstein F. Strukturpolitik als zentrale Aufgabe. - "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 1965, 14. Okt.
52. Guth W. Wettbewerb..., S. 111.
53. Riese H., Borkel W., Dohnanyi K. Das Sozialprodukt... S. 53.
54. Guth W. Wettbewerb..., S. 111.
55. Schlecht O. Strukturpolitik..., S. 23.
56. Schiller K. Der Strukturpolitik der Bundesregierung ..., S. 73.
57. Ibidem, S. 71.
58. Krüger A. Das wirtschaftspolitische Instrumentarium, S. 25 ff.

ОРГАНИЗАЦИЯ БУРЖУАЗНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НАРОДНЫЕ МАССЫ В ФРГ

(Анализ взглядов буржуазных специалистов)

В Федеративной Республике Германии не существует строго организованной системы политического образования. Под политическим образованием буржуазные специалисты понимают идеологическое воздействие на население, особенно на рабочий класс, в желательном для правящих кругов направлении.

Эту работу широко ведет радио, телевидение, буржуазная пресса, соответствующие специалисты бундесвера, а также специальные учреждения трех крупнейших политических партий ФРГ. Но наиболее целенаправленно и широко эта работа ведется Федеративным центром политического образования /ФЦПО/, и тесно связанных с ним центров политического образования отдельных земель.

Подобные учреждения не новое явление в политической жизни Германии. Уже с 1918 года в Германии существовал Центр рейха службы родине, который был охарактеризован министром внутренних дел ФРГ Д.Геншером в одном из его выступлений в конце 1972 года как "... служащее кайзеровскому рейху политически-педагогическое заведение" /1, s.1/. 15 марта 1933 года это учреждение стало составной частью Имперского министерства народного образования и пропаганды и использовалось для достижения целей фашизма.

Через несколько лет после образования ФРГ специальным приказом министра внутренних дел возобновляется деятельность центра политического образования, только теперь он называется "Федеральный центр службы родине". А 18 мая

1963 года он приобретает свое нынешнее название /ФЦПО/ и непосредственно подчиняется министерству внутренних дел.

Период времени с 1952 года, когда был воссоздан центр политического образования, до второй половины 60-х годов Д.Геншер называет первой фазой развития системы политического образования. В данном периоде, по взглядам министра, главными задачами центра политического образования были: "борьба с тоталитарными системами государства", "защита молодой демократии от опасных для нее духовных и политических течений", "уменьшение предрассудков по отношению к другим народам и расам", выдвижение задачи "интеграции в наднациональных образованиях" как альтернативы по отношению к "устаревшему национализму", "отражение институтов и основных прав возобновленной демократии"/1, s.1/.

Это означает, что главной задачей центра была борьба против рабочего класса и коммунистической партии. Главным оружием внутривнутриполитической борьбы с прогрессивными силами на данном этапе служил открытый антикоммунизм. Наряду с этим выдвигалась задача идеологически и политически интегрироваться в капиталистическую Западную Европу. Поэтому главное внимание уделялось ЕЭС, НАТО и соответственно тому велась идеологическая обработка населения и формирование общественного мнения. Весьма высокие темпы экономического развития того времени, запрещение коммунистической партии Германии, холодная война и с ней связанное международное напряжение обеспечивали западногерманским монополиям сравнительно спокойное внутривнутриполитическое положение.

Начало 60-х годов принесло с собой и начало процесса переоценки ценностей в лагере Западногерманской буржуазии. Причиной этому послужили не только ошибки политики ХДС/ХСС, но главным образом все более расширяющийся ход научно-технической революции, которая принесла с собой изменения во всех сферах жизни общества. Выдвинутые ею проблемы в середине 60-х годов обостряются периодом стаг-

нации в экономике ФРГ. В правящих кругах проявляется беспокойство и колебания, которые спешат использовать созданная в 1964 году партия неофашистов - НДП и добивается кратковременного успеха на выборах ландтагов земель ФРГ. Но НДП неспособна решить новые проблемы, так как ее идеологический и политический багаж очень уж сильно похож на старые фашистские идеи.

Во второй половине 60-х годов возобновляют свою легальную деятельность западногерманские коммунисты. Политически активизируются студенты, становясь одной из главных сил "внепарламентской оппозиции". Все эти явления влияют на партии, на их общественно-политические концепции, а также на "политическую педагогику". "С этих лет... содержание и методы политического образования переосмысливаются заново"/1, S.1/.

О том, что это действительно важная проблема для правящего класса, свидетельствуют состоявшиеся в ноябре 1968 года дебаты в бундестаге, специально посвященные вопросам политического образования. После этих дебатов произошли изменения в организационном построении ФЦПО. Из депутатов бундестага образовывается кураторий ФЦПО в составе II членов и II их заместителей. В кураториуме представлены все фракции бундестага и его задачей является "следить за политической действенностью федерального центра и обеспечивать надпартийность действия"/1, S.1/, т.е. защиту интересов всей буржуазии.

Политическая линия правительства проводится при помощи Комиссии советников федерального правительства по вопросам политического образования и научного совета ФЦПО, который создан 27 апреля 1970 года в составе 5 членов и имеет совещательное право голоса. Члены научного совета назначаются министром внутренних дел ФРГ. В настоящее время в его состав входят Р.Ленсиус, М.Леттих, Ф.Мессершмит, К.Шоддер, В.Стрелевиц. Следует отметить, что единогласно

принятые рекомендации Совета ФЦПО могут быть отклонены только с согласия министра внутренних дел.

Для того, чтобы работа могла вестись на соответствующем уровне, ФЦПО имеет "необходимые контакты с практической политикой, парламентом и государственной исполнительной властью" /1, S. 1/, но эти контакты по взглядам буржуазных специалистов не должны быть использованы для "односторонней" пропаганды "взглядов" какой-либо партии или политической воли данного правительства" /1, S. 3/.

Для ведения политической обработки населения необходимы и довольно большие денежные средства. Федеральное правительство и правительства земель по данным газеты "Дас Парламент" "каждый год на мероприятия политического образования вместе тратят от 100 до 150 миллионов марок... Но этим покрывается лишь часть всех расходов. Такие большие финансово сильные общественные группы, как церкви, социальные партнеры /профсоюзы, предпринимательские объединения -О.С./; партии и другие объединения тоже тратят большие средства на проведение внешкольного политического образования подростков и образование взрослых" /1, S. 3/.

Шеф радиостанции "Немецкая волна" Х.Шефлер "главным инструментом политического образования" считает специальные "образовательные учреждения". Таковых в ФРГ примерно 250 /1, S. 3/. Например, так называемые дома молодежи, дома Европы, политические академии и институты Запад-Восток. Х.Шефлер считает, что учреждения политического образования должны получать большую финансовую помощь со стороны государства.

Одними из наиболее активных организаторов работы по политическому образованию являются фонды трех крупнейших политических партий ФРГ - фонд Ф.Эберта /СДПГ/, фонд К.Адэнауера/ХДС/ и фонд Ф.Наумана /СвДП/.

Фонд Ф.Эберта главную часть работы политического

образования проводит при помощи так называемых высших школ. Всего таких четыре. Их слушатели могут выбрать одну из 10 главных и дополнительных тем. Названия тем следующие: немецкая внешняя политика и политика безопасности, ФРГ и ГДР в начале 70-х годов, экономическая политика ФРГ, социальная политика ФРГ, политика в сфере народного образования, соучастие, реформа налогов в ФРГ, церкви в государстве и в обществе, задачи и проблемы реформы демократии, семинар по организации, обученис ораторов /1, S.4/.

Ванятия по всем темам организуются в виде семинаров. В 1972 году участников можно подразделить на следующие основные группы: "общественная служба - 11%, молодежь - 13 %, заводские группы - 9 %, профсоюзы - 9 %, семинары мультипликаторов (людей, которые руководят или участвуют в руководстве какого-то коллектива) - 58 %" /1, S.4/.

Фонд Ф.Наумена главную часть работы по политическому образованию организывает в Академии Т.Хойса, которая находится в Гуммеробахе. Работу этой академии за 1971 год характеризуют следующие данные /1, S.6/:

Темы	Число занятий	Участники	Референ-ты	Всего	в % по темам
Внешняя политика и политика обороны	5	148	40	188	8,4
Государство и общество	11	507	78	585	26,3
Политика в области образования, культуры и средств массовой информации	15	679	144	823	37,0
Экономическая и социальная политика	14	525	105	630	28,3

Сравнительно небольшое количество участников видимо указывает на то, что главное внимание обращается на руководителей коллективов — мультипликаторов.

Примерно по таким же принципам работает подчиненные ФЦПО "Восточные курсы политического образования", которые находятся в г.Кёльне. "Восточные курсы, как писвалось в "Дас Парламент", основанные в 1957 году, являются научным учреждением, которое занимается политическим образованием взрослых. Их сессии служат научному анализу нынешних структур и их исторических предпосылок политики стран Восточной Европы и ГДР"/1, S.12/. Подобные выражения в наши дни характерны для многих изданий ФЦПО. Раньше, во времена правления правительства К.Адэнауера задачи Восточных курсов не характеризовались столь объективистски, и ясно указывалось, что они своей деятельностью должны "способствовать идеологически-политической борьбе с интернациональным коммунизмом" /2, S.206/. "Научную независимость" Восточных курсов по выполнению этой задачи гарантирует "директорат преподавателей высших школ", который ответственен и за "составление учебных планов и отбор референтов" /1, S.12/. Восточные курсы в среднем за год устраивают 50 сессий с общим числом участвующих примерно 1700 человек. Профессиональный состав участников сессий очень разнообразный. Курсы располагают собственной библиотекой, в которой 10.000 томов. Одновременно необходимый информационный материал слушатели курсов могут получить по почте.

Кроме того ФЦПО издает очень много разных изданий, в том числе и специализированных. Для студентов, школьников и взрослых периодически издается "Информация политического образования", тираж которой достигает 1 миллиона экземпляров. Еще издаются "Избранные труды политической литературы", еженедельник "Парламент" с приложением "Из политики и современной истории", который главным образом обращается к западногерманской интеллигенции. По заказам

ФЦПО снимаются документальные и художественные фильмы. В 1973 году ФЦПО начнет издавать журнал специально для школьников 8-10 классов / возраст 14-16 лет/, который будет выходить 3 - 4 раза в год. Каждый номер будет освещать одну тему и его объем составит около 16 страниц. Желая узнать приблизительное число читателей, ФЦПО объявил конкурс на лучшее название нового журнала.

Все эти факты свидетельствуют о том, с какой тщательностью буржуазия ФРГ проводит работу по распространению своих политических идей, обращая особое внимание на молодежь.

Это доказывают и высказывания министра внутренних дел ФРГ Д.Геншера о нынешнем состоянии политического образования и о ее главных задачах в будущем. Д.Геншер выдвигает 4 главные задачи усовершенствования системы политического образования:

- а/ "найти пути и методы", как расширить "сравнительно небольшую" аудиторию слушателей системы политического образования,
- б/ "связать исследования эмпирической социологии с нуждами политической педагогики",
- в/ "на базе основных выводов" активнее обсуждать с журналистами и авторами "политическую действительность" их трудов,
- г/ "выработать модели семинаров и преподавания", реализовать "публицистические эксперименты".

Под этим в основном понимается выработка методики политического образования.

По отношению к последней задаче Д.Геншер высказался: "Я чрезвычайно приветствую эту инициативу" /1, с.1/.

Системе политического образования как инструменту реализации интересов буржуазии по взглядам Д.Геншера следует решать две главные задачи.

Во-первых, помочь "гражданам государства на базе

основного закона" найти возможности " по реализации и артикуляции своих интересов", одновременно делая их способными принять участие "в создании будущего и в реализации демократической политики". В принципе это означает создание стереотипов буржуазного мышления.

Во-вторых, "способствовала идейно-политической борьбе против политического радикализма", при том подчеркивается что "на более длительный период времени защита против радикальных тенденций" должна рассматриваться как "недостаточная"/1, s. 1/. Законодательные органы земель ФРГ уже приступили к реализации второй задачи, запретив коммунистам занимать должности в государственном аппарате и в школах. Главное содержание второй задачи, несмотря на неопределенную формулировку, заключается в борьбе против роста влияния Германской коммунистической партии.

После дебатов 1968 года в бундестаге по вопросам политического образования в издании ФЦПО "Парламент", особенно в его приложении "Из политики и современной истории", развернулась дискуссия буржуазных специалистов по актуальным вопросам системы политического образования. Поскольку в небольшой статье не возможно дать полный обзор этой дискуссии, остановимся на нескольких статьях последнего времени.

Член научного совета ФЦПО Ф.Мессершмит одну из своих статей посвятил вопросам, которые связаны с политическим образованием в школах. Ф.Мессершмит указывает, что понятие "политическое образование" включает в себя все виды политической педагогики. Он считает, что в настоящее время "свою последнюю ценность" теряют столь популярные в 50-х годах теории "пасторальной демократии", "демократической гармонии", но все больше подчеркивается критическая функция политического образования" /1, s. 9/. Следует отметить, что приспособляясь к новой ситуации во внутривнутриполитической жизни ФРГ, специалисты политическо-

го образования выдвинули теорию так называемого "критического гражданина".

В соответствии с этой теорией Ф.Мессершмит выдвигает мысль, что политическое образование должно стараться показывать и интерпретировать "самые демократические институты как инструменты необходимых перемен, чтобы предотвратить их революционное уничтожение" /1, с.9 /.

Сотрудник ФЦПО М.Клейн считает, что для того чтобы успешно справиться с этой работой, система политического образования должна отказаться от столь характерного в 50-х годах стремления охватить как можно более широкий круг слушателей и идти вглубь, организуя работу с группами в составе от 7 до 15 слушателей. Он это называет переходом от "широких на целенаправленные импульсы" /1, с.3 /.

Мысль М.Клейна поддерживает многолетний председатель группы руководителей евангелической академии Э.Мюллер. Он считает, что работа с группой случайного состава дает "заметьно меньший" эффект, чем работа с так называемыми "целевыми группами". Он понимает под целевой группой, например, подмастерья одного определенного предприятия, функционеров конкретного союза, предпринимателей и членов советов предприятий одного определенного района. Работа с этими группами, по взглядам Э.Мюллера, имеет "особое значение". Для того, чтобы работа велась успешно, необходимо организовать "тщательное изучение проблем, требований, легкости контактирования и методов работы" /1, с.4 /, характерных для каждой целевой группы. Э.Мюллер высказывает мысль, что, в наш век обилия политической информации главным инструментом политического образования очевидно станут методы, связанные с психологией групп" /1, с.4 /.

Как последний рассмотрим в типичном "public relations" стиле написанную статью члена научного совета ФЦПО профессора социологии В.Стрелевица "Актуальные проблемы политического образования". В.Стрелевиц предупреждает, что

"политическому образованию" сегодня "часто грозит опасность стать дефенсивным" /3, S.3/. Как первую и важнейшую проблему он называет "борьбу с радикальными течениями". То, что часть молодежи увлекается коммунистическими идеями В.Стрзелевицу не кажется очень опасным для буржуазии, но его пугает то, что с этими идеями знакомятся и те юноши, которые в будущем могут занять или займут официальные или неофициальные посты так называемых "вождей мыслей"

(*opinion leaders*). В.Стрзелевиц конечно надеется, что часть этих юношей, побыв "коммунистами", т.е. членами различных левацких групп, с годами станут по крайней мере социал-демократами. Несмотря на это, по его замыслам "систематическая и деловая борьба" с левыми "теориями и идеологиями" является одной из "центральных задач и проблем" ФЦПО /3, S.4/.

Следующая проблема - это защита идей так называемого плюрализма. В.Стрзелевиц считает, что, вызванная выборами 1972 года в бундестаг, поляризация зашла слишком далеко и "задачей политического образования является учить её понимать или постепенно ликвидировать" /3, S.5/.

Для того, чтобы решить эту и остальные проблемы, по взглядам В.Стрзелевица, следует улучшить методически - дидактическую сторону политического образования, ибо иначе невозможно добиться образования "познаний, влияющих на поведение" слушателей, а без этих познаний политическое образование в большой мере не эффективно.

Как известно, в выборах в бундестаг 1972 года участвовало сравнительно много избирателей ФРГ. Эти выборы были характерны тем, что в них активнее участвовали группы жителей, которые раньше вели себя равнодушно или даже отрицательно по отношению к выборам. В.Стрзелевиц ставит перед политическому образованию задачу "установить контакт с этими ... группами и сохранить или даже углубить" его /3, S.6/.

Кардинальной проблемой политического образования любого западного государства В.Стрзелевиц считает вопрос собственности. Для решения этой проблемы он выбрал так называемую теорию "индустриального общества". В.Стрзелевиц утверждает, что в нынешнем мире не существуют два антагонистических общественных строя - капитализм и социализм, в "две вариации индустриального общества". Таким образом он надеется снять остроту проблемы и направить дискуссии в русло второстепенных вопросов. В.Стрзелевица не удовлетворяет, что на поляризацию во внутренней дискуссии ФРГ влияет "ошибочная" характеристика "различий между Западом и Востоком" /3, s.9/. Так как часть демократически настроенных деятелей вынуждены, хотя с оговорками, признать преимущества социалистического строя. Особенно это относится к позиции многих молодежных организаций. В.Стрзелевиц пишет, что "среди молодого поколения Западного мира распространено подозрение, что, говоря о демократии, под этим подразумевают частную собственность" /3, s.9/. Задачей буржуазного политического образования выдвигается устранение этих подозрений и недоверия широких слоев населения к капиталистическому строю. Буржуазная пропаганда пытается доказать, что капитализм способен "справиться с социальными конфликтами и проводить социальные изменения" /3, s.9/.

Для решения этой задачи в интересах защиты капитализма пытаются "проводить наступательное политическое образование по вопросам внутренней и внешней политики" /3, s.9/.

Особое внимание заслуживает, как уже упоминалось, "public relations": этой работой в ФРГ занимается ФЦПО и соответствующие центры отдельных земель. На языке менеджеров "public relations" означает "осознанные и законные усилия добиться взаимопонимания, а также добиться и развить доверие общества, опираясь на систематические исследования" /2, s.190-191/.

Для системы политического образования работа по "public relations" складывается из трех главных задач: во-пер-

вых, " в ситуациях открытой классовой борьбы /забастовка, политическая демонстрация/ противодействовать открыто проявившимся классовым противоречиям..., объявить их преодолимыми расхождениями мнений"/2, S.191/. Во-вторых, "там, где противоречия не проявляются столь открыто и остро, подчеркивать "общность" эксплуатируемых и эксплуататоров" /2, S.192/. Например, тезис о "социальных партнерах". В-третьих, " выполнять функцию контакта, чтобы препятствовать влиянию прогрессивных идей, т.е. пытаться сохранить постоянный контакт с рабочими, предупредить "чужое влияние" при помощи целенаправленной информации и распространения слухов и т.д., постоянно влиять на сознание рабочих" /2, S.192/.

Работа системы буржуазного политического воздействия на народные массы базируется на использовании последних достижений социологии, демоскопии и прикладной психологии. Это свидетельствует о том, насколько серьезно буржуазия относится к развитию и совершенствованию системы распространения своих политических идей. Во многом это объясняется смягчением напряженности в Европе, когда старые методы буржуазной пропаганды малоэффективны, и возросшим значением идеологической борьбы в отношениях между капитализмом и социализмом.

литература

1. "Das Parlament", 1972, 2. XII.
2. Manipulation. Die Staatsmonopolistische Bewusstseinsindustrie. Berlin, Dietz Verlag, 1969.
3. Strzelewicz W. Aktuelle Probleme der politischen Bildung. - "Aus Politik und Zeitgeschichte", 1973, Nr. 3.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ "ПРИБАЛТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА" В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ

В течение ряда последних лет в Европе все явственнее ощущаются большие положительные сдвиги, в результате которых начался период разрядки напряженности, укрепление мира и сотрудничества между государствами нашего континента. Важнейшими вехами на этом пути являются подписание договоров СССР и ПНР с ФРГ, четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ, нормализация отношений между ЧССР и ФРГ и, конечно, успешные советско-западногерманские переговоры на высшем уровне в мае 1973 года. Положительно оценивая итоги визита Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева в ФРГ, Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР констатировали, что этот визит закрепляет "поворот к новым, нормальным для мирного времени отношениям и взаимовыгодному сотрудничеству между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии" / ? /.

Эти перемены в Европе достигнуты благодаря настойчивой конструктивной политике Советского Союза и других социалистических стран. Большое значение имела также позиция трезво мыслящих сил в других странах. В ФРГ это относится к партиям, представленным в коалиционном правительстве Брандта-Шееля.

Большинство населения ФРГ одобряет реалистическую внешнюю политику своего правительства. Ярким свидетельством этому явилась убедительная победа социал-демократов

и свободных демократов на выборах в Бундестаг в 1972 году.

Однако, как неоднократно указывалось в нашей печати, в ФРГ все еще нет недостатка в противниках положительных перемен, в людях, продолжающих исповедовать всякие и всяческие оттенки реваншизма, надеющихся на большую или меньшую ревизию положительных результатов второй мировой войны и почти трех десятилетий послевоенного развития.

Особое место в блоке правых сил в ФРГ занимают различные землячества - так называемые "судетское", "силезское", "восточно-прусское" и ряд других. Речь идет о реакционных объединениях немцев-бывших жителей этих польских, чехословацких, советских территорий. Руководители этих землячеств в течение послевоенных лет проявляли особую активность, направленную против признания Федеративной Республикой Германии послевоенных реальностей, против улучшения отношений с СССР и другими государствами Восточной Европы. Наиболее реакционные и одновременно менее реалистически мыслящие представители этих землячеств мечтали об "отбрасывании" коммунизма и о возвращении "на родину".

Польские и чехословацкие историки, публицисты и другие работники идеологического фронта уделили немало внимания анализу деятельности соответствующих землячеств в Западной Германии. Аналогичная работа проводилась также в нашей стране. В результате этого за последних два десятилетия появилось много публикаций, содержащих обширный материал о деятельности и составе этих организаций в ФРГ, подробный анализ их идеологии и пропагандистских ухищрений, аргументированное опровержение реакционных взглядов в области историографии и современной политики.

Однако до сих пор почти полностью вне поля зрения оставалась деятельность различных организаций бывших не -

мецких жителей Латвии и Эстонии, так называемых прибалтийских немцев (или, пользуясь выражением прошлых лет-остзейцев)/1/. Главной организацией остзейцев является "Прибалтийско-немецкое землячество", входящее в свою очередь в наиболее крупную из реваншистских организаций ФРГ- в так называемый "Союз изгнанных"/3/. Четыре остзейца вошли и в новый состав Бундестага. Наиболее активные из них - бароны фон Врангель и фон Фиркс, выступают особенно рьяно под флагом реакционной христианско-демократической оппозиции.

Остзейцы проявляют немалую активность: кроме землячества действуют различные общества, издаются периодические издания и ежегодники, организуются встречи, слеты, конференции историков, проводится широкая и громкая само-реклама в качестве "специалистов", "знатоков" Восточной Европы, в особенности Прибалтики и России. Одновременно делаются попытки воздействовать на население Советской Прибалтики, а также подчинить своему влиянию латышскую, эстонскую и литовскую эмиграцию, в особенности ту ее часть, которая проживает в ФРГ. Поэтому полезно посмотреть, что из себя представляют эти круги, каковы их организации, печатные издания, идеология, методы пропаганды.

В данной статье мы избрали для примера одну из прибалтийско-немецких организаций, уделяющую особое внимание созданию единого антисоветского фронта прибалтийской эмиграции. Мы решили разобраться в деятельности этой организации по материалам ее органа "Миттейлууген аус балтишем лебен" ("Сообщения из прибалтийской жизни"). Для лучшего ознакомления мы выбрали сравнительно короткий отрезок времени - в основном это период с 1961-1963 гг. Это было временем, когда данная организация пользовалась широкой материальной поддержкой федеральных и земельных властей ФРГ, когда она шумно и активно боролась на общем реваншистском фронте против признания

послевоенных политических реальностей, против изменения политического курса ФРГ.

"Прибалтийское общество" было основано в 1955 году в Бонне. Полное название этой организации "Прибалтийское общество в Германии" ("Baltische Gesellschaft in Deutschland"). В употреблении в данном случае слова "Германия" вместо "ФРГ" уже проявляется политическая позиция данного общества, а именно, непризнание ГДР, выступление в поддержку претензий других реакционных кругов ФРГ на единоличное представительство всего немецкого народа.

Согласно заверениям руководителей "Общества", оно ставит своей целью сплочение прибалтийских эмигрантов различных национальностей". Для главарей буржуазно-националистической эмиграции это не составляет особой проблемы и в этом отношении можно поверить соответствующим утверждениям в "Миттейлунген" /13, S.4/.

Однако нас больше интересует вопрос не о взаимоотношениях этой публики, а о том, какие задачи "Общество" считает главными в своей "внешней работе". В одном месте в "Миттейлунген" они сформулированы как "развитие и углубление культурных отношений и дружбы между немецким народом и народами Прибалтики" /20, S.3/. Звучит вроде бы, и благородно, и своевременно. Ведь народы Советской Прибалтики только в нынешнем веке дважды испытали все "прелести" немецкой оккупации, а борьбы латышей и эстонцев против немецких поработителей имеет более чем 700-летнюю историю...

Однако, сомнения в искренности таких заверений возникает тут же при чтении другого определения задач "Общества", где они сформулированы как "стремление к внутреннему сплочению народов Прибалтики с немецким народом" /165/. Время, мол, забыть старые обиды и разногласия, и немецкие члены "Общества" будут организовывать и направлять свои силы для достижения политической цели

"Общества", которая шумно формулируется как самоопределение и право на родину/15, §15/ это недвусмысленная заявка на право для бывших угнетателей народов Прибалтики, объединившихся в "Обществе", решать, какому государственному строю в будущем быть в Латвии, Эстонии и Литве, которыми они снова хотели бы управлять. При этом остальным эмигрантам предлагается "понять, что они лишь вместе с немецким народом и через его воссоединение могут добиться восстановления своей свободы"/22, §.5/, т. е. эмигрантам предлагается вместе с реваншистскими кругами ФРГ типа членов "Общества" и через поглощения ГДР Западной Германией восстановить буржуазные порядки, давно сметенные историей. Вот какими на поверку оказываются цели "Общества".

Структура "Прибалтийского общества" несложна. Оно состоит из трех объединений - "германо-эстонского", "германо-латышского" и "германо-литовского". Во главе каждого объединения стоят два председателя: один из них - с "немецкой стороны". Президентом всего "Прибалтийского общества", естественно, является немец/13, §.4-6/.

Одной из важных форм деятельности "Прибалтийского общества" является ежегодное проведение так называемых "рабочих сессий" (каждый раз в другом городе ФРГ), которые должны служить форумом для пропаганды взглядов данной организации. О тенденциозности и яром антисоветизме "Общества" свидетельствуют темы основных докладов, зачитанных и обсужденных на некоторых "рабочих сессиях". Тут и призывы к пресловутому "самоопределению народов в прибалтийском пространстве" и злобное выступление, извращающее внутреннюю и внешнюю политику нашей страны, и вопросы "организации системы образования в Эстонии сегодня", а также "западные культурные влияния в прибалтийском пространстве", за которыми следуют размышления о "обязанностях запада по отношению к Восточной Европе". Характер-

но, что даже такое явление, как создание в СССР товарищеских судов рассматривается под углом зрения... возможности их использования в антисоветских целях/13, S.4-6; 18, S.1-4/. Изредка проводятся и "рабочие сессии" отдельных объединений "Общества", которые должны служить также цели укрепления влияния "немецкой стороны" в "Обществе".

На одной из таких сессий "немецкая сторона" потребовала, чтобы "каждое действие" "второй стороны" остерегалось быть или стать "чисто национальным", так как, мол, "национальные интересы должны будут отступить на второй план там, где речь идет о защите свободы", о "создании единой Европы", о "преодолении исторических камней преткновения"/22, S.13-14/. где речь идет о порабощении народов социалистических стран, о ликвидации социалистического строя в странах Восточной Европы. Весьма примечательно третье требование. Оно означает, что от "второй стороны" требуется отказ от известных традиций народной антифеодальной борьбы, которые и по существу, а также в демагогических целях в прошлом, на различных этапах по-разному, поддерживались также одной частью буржуазии народов Прибалтики.

На этом же сборище "латышская сторона" заикнулась было о том, что на "сессиях" нужно было бы допускать выступления и на латышском языке, но вопрос весьма невежливо (и ясно) остался без ответа. Он не был поднят второй раз, так как "вторая сторона", зная прекрасно свое подчиненное положение, опасалась рассердить хозяев.

Большое внимание и много места "Миттейлунген" уделяет так называемым "культурным мероприятиям". Начиная с 1956 года "Общество" раз в год проводит в разных городах ФРГ "Дни культуры (иногда "недели") народов Прибалтики". Наряду с этими главными мероприятиями "Общество" проводит различные "культурные мероприятия" на местах. Поскольку данная организация претендует на роль своего

рода "общества дружбы и культуры", то представляется целесообразным несколько остановиться на организуемых им культурных мероприятиях". К тому же по замыслу руководителей "Общества" эти мероприятия должны обеспечить его связь с общественностью ФРГ и, следовательно, быть одним из важнейших путей претворения в жизнь его целей.

Однако именно культурные мероприятия "Общества" и на "федеральном", и на "местном" уровне отличаются низким качеством, чрезвычайной узостью и однообразием.

Так, в начале 60-х годов почти все мероприятия "Общества" в качестве "гвоздя" программы включали показ двух выставок - "Географические карты Прибалтики четырех столетий" и "Юрис Сойкан - живопись и графика". Для получения более полного представления об этих перевозимых в "Миттейлунген" выставках уместно заметить, что на первой из них частично демонстрировались не оригиналы, а фотокопии карт, и, хотя только в 1961 году ее показывали в девяти городах ФРГ, посетило ее по явно завышенным данным, не более 2000 человек (в среднем около 200 посетителей в каждом городе!) /15, S.4-5/. Выставлявший же свои картины на другой выставке Ю.Сойкан - не кто иной, как обосновавшийся в ФРГ латышский эмигрант, известный бывший эссеист и художник-дилетант /8/. Правда, однажды "Прибалтийское общество" знакомило посетителей "Дома встреч" в Мюнхене с поистине великим художником. Здесь в библиотеке были выставлены репродукции картин Чюрлёниса (1875-1911).

Если об изобразительном искусстве народов Прибалтики посетитель должен составить себе представление на материале подобных выставок, то с музыкой прибалтийских народов "Общество" знакомит при помощи... магнитофонных записей /13, S.6/.

Но и эти более чем скромные попытки знакомить общественность ФРГ с культурными достижениями народов Прибалтики (правда, в абсолютном большинстве случаев - лишь

с "творениями" эмигрантов) оказываются лишь поводом для пропагандистской антисоветской шумихи, развертываемой вокруг такого рода "культурных мероприятий" в реакционной печати и по радио ФРГ. "Миттейлунген" не только превозносит художественный уровень и особенно политическое значение данных мероприятий, но и помещает на своих страницах выдержки подобного содержания из опубликованных в эмигрантских листовках и в печати ФРГ статей или переданных по радио сообщений. Чаще всего это делается без указания автора, если же узнаем имена авторов, то оказывается, что это опять все те же члены "Прибалтийского общества в Германии". Так, о "Днях культуры народов Прибалтики" на полосах газеты "Любекер нахрихтен" от 19 мая 1962 года распространялся весьма активный "остфоршер" Э.Томсон /16, S.17/. Пропагандистским целям служит и выбор места и времени проведения "мероприятий". Так, например, в 1961 году "Дни культуры Прибалтийских народов" проводились в вестфальском городе Билефельд и это мероприятие использовалось для утверждений об исторической связи Вестфалии с Прибалтикой, которую, мол, "особенно в средние века, трудно переоценить" /15, S.14/.

О какой же связи с Прибалтикой идет речь? Дело в том, что согласно традиционной остзейской историографии ряды немецких завоевателей Прибалтики в XIII веке в значительной мере пополнялись выходцами из Вестфалии. Хороша же "связь", выразившаяся в закабалении прибалтийских народов немецкими крестоносцами. Руководители "Общества" видимо, считают себя преемниками реализаторов пресловутой политики "Дранг нах остен" ("натиск на восток").

Время проведения этих "дней культуры" было приурочено ко дню провозглашения буржуазной республики в Латвии, чем "прибалтийские" и "имперские" немцы - члены "Общества" хотели отдать дань выброшенным на свалку истории бывшим правителям латышского народа, которые в 1918 году с по-

мощью немецких оккупантов и интервентов захватили власть. Доклад по этой теме прочитал известный прибалтийско-немецкий историк, видный остфюршер Г. Римша.

При проведении "Дней культуры прибалтийских народов" в 1962 году в старом ганзейском городе Любеке, провозглашалось, что этот город "является матерью всех городов у Балтийского моря"^{16, с. 6}. Как знакомо звучат утверждения "Миттейлунген": "Каждому, кто хоть немного знаком с историей, известны тесные связи Любека с Прибалтикой. Отсюда исходили те импульсы в направлении северо-восточных берегов Балтийского моря, которые приобщили эти края к западному культурному кругу и сыграли решающую роль в формировании людей, населявших эти края"^{16, с. 6}. Действительно, давно успевшая набить оскомину песня о "культуртрегерской" роли остзейских завоевателей и угнетателей.

Разумеется, не только место и время проведения "культурных мероприятий" должны, по замыслу руководителей "Общества", свидетельствовать о принадлежности народов Прибалтики к "западному культурному кругу", но и, в первую очередь, выставки, концерты, доклады и даже церковные службы (1), которыми обычно начинаются "культурные мероприятия". Этим отчасти и объясняется необычная однобокость при выборе "произведений искусства" для данных мероприятий. Так, например, упоминавшуюся уже выставку "Географические карты Прибалтики четырех столетий" "Миттейлунген" использует лишь для того, чтобы лишний раз подчеркнуть свой тезис об "отношениях многовековой давности между прибалтийскими странами и Западом, которые и в старых листах карт проявляются особенно отчетливо! Более откровенные слова можем прочесть в другом месте, где утверждается, что эта выставка свидетельствует о "значении, какое Западная Европа уже в ранние столетия придавала прибалтийским странам и народам" /13, с. 8; 18, с. 8/. Таким образом видим, что эти "культурные мероприятия" имеют весьма сомнительное отношение к самой куль-

туре и обмену культурными ценностями и в основном являются поводом для тривиальной антисоветской пропаганды.

В другом отношении "Прибалтийское общество", являющееся в тогу "Общества дружбы и культуры", на первый взгляд может произвести даже благоприятное впечатление. Так, в "Миттейлунген" подчеркивается, что "Общество" призвано знакомить немецкую общественность "с судьбой и достижениями народов Прибалтики на родине и в изгнании" (так именуется эмиграция - П.О.)/12, с.3/Однако, несмотря на такое заверение, где "родина" стоит даже на первом месте, жизни реакционной эмиграции "Миттейлунген" на своих страницах отводят несравненно больше места.

В "Миттейлунген" имеется рубрика "Латышские (соответственно: "эстонские", "литовские") культурные известия". Но тщетными были бы попытки искать здесь сообщения о достижениях прибалтийских советских республик. В этой рубрике широко освещается деятельность различных реакционных эмигрантских организаций и их главарей, отмечаются юбилеи этих "деятели".

Вот, некоторые примеры из практики "Миттейлунген". В рубрике "Эстонские культурные известия" сообщается о том, что "в настоящее время (в 1961г) в Канаде снимается первый эстонский фильм"/13, с.13/Что новоявленным "культуртрегерам" до того, что только за предшествовавший данному сообщению 1960 год киностудия "Таллинфильм" закончила производство трех полнометражных художественных фильмов, выпустила объемный кукольный цветной фильм, 52 киножурнала "Советская Эстония" и 12 короткометражных документальных фильмов /2, с.166-167/.

Если же иногда встречаются материалы из жизни прибалтийских советских республик, то эти сообщения оказываются ничем иным, как вырванными из контекста пересказом критических замечаний по тем или иным вопросам жизни, напечатанных в наших газетах. Таким образом "Общество дружбы

и культуры" на деле оказывается "Обществом клеветы".

Но в 60-х годах "Прибалтийское общество" во все возрастающей мере начало осознавать, что для общественности ФРГ, "Миттейлунген" отнюдь не являются единственным источником информации (если их можно так назвать) о советской действительности. Опасаясь окончательно потерять влияние на читателей, "Миттейлунген" все чаще помимо собственных "культурных известий" стали печатать пересказы или выдержки из печати ФРГ, ГДР и Советской Прибалтики, где речь идет о достижениях эстонского, латышского и литовского народов в строительстве новой жизни.

При этом для "Миттейлунген" неразрешимой продолжала и продолжает оставаться проблема, как реагировать на бурное промышленное развитие прибалтийских советских республик. Не мудрствуя лукаво, "Миттейлунген" начали печатать сообщения об индустриальном росте Советской Прибалтики, но в обязательном сопровождении иронических замечаний или просто под заголовком "Комментарии излишни...".

Вот одно такое сообщение, начинающееся словами: "О почти невероятных достижениях "социалистических стран" рассказывает нам печать так называемой "ГДР". Некоторые из них так интересны, что мы при лучшем желании не можем их обойти молчанием..." И далее в этом же сообщении: "Несколько немецких газет советской зоны (ГДР - П.О.) сообщают о сдаче в эксплуатацию атомного реактора мощностью в 2000 киловатт в Саласпилсе под Ригой. В последующие годы, кроме того, будет построено пять больших химических заводов - среди них комбинат искусственного волокна в Даугавпилсе (Дынабург) и завод стекловолокна в Валмиере (Волмар)"/17, В.33/.

Ироническое обрамление сообщений призвано вызвать скептическое, недоверчивое отношение читателей "Миттейлунген" к названным достижениям и планам. Можно понять, что издателям "Миттейлунген", привыкшим думать в старых

категориях, преимущественно довоенных, когда прибалтийские буржуазные республики являлись аграрным придатком западных индустриально развитых стран, нелегко представить себе стремительное промышленное развитие прибалтийских советских республик. Но ведь эти люди не только сами не хотят видеть — они и другим мешают смотреть.

Тем временем, независимо от того нравится ли это господам из "Общества" или нет, трудящиеся Советской Латвии добиваются все новых успехов. В 1961 году действительно начал работать атомный реактор Института физики Академии Наук Латвийской ССР в Саласпилсе, а вскоре продукцию стали выпускать Валмиерский завод стекловолокна и Даугавпилсский завод искусственного волокна. Именно в 1961-1965 гг. химическая промышленность Латвийской ССР получила особенно стремительное качественное и количественное развитие.

Изучение старых комплектов "Миттейдунген" помогает нам лучше увидеть лживость его антисоветских утверждений.

Стараясь приглушить интерес своих читателей к советской печати, являющейся зеркалом советской действительности и для многих иностранцев — одним из важнейших источников информации о Советском Союзе, "Миттейдунген" прибегают к искажению ее. Так, например, об "объединенной газете прибалтийских республик", т.е. газетах "Циня", "Тиеса" и "Рахва хяль", вышедших 11 апреля 1963 года на соответствующих национальных языках, но с одинаковым текстом, "Миттейдунген" пишут, что ее содержание "относится главным образом к фабрикам, которые в настоящее время работают в наших странах" *720, s. 19, т. е. странах, раньше принадлежавших им.* Между тем на самом деле лишь на 1-й странице этих газет приводится несколько самых ярких показателей, характеризующих рост промышленного производства в прибалтийских советских республиках (кстати, и о них "Миттейдунген" конкретно не упоминают). Основное же внимание в этом объединенном номере газет уделяется появлению новых, коммунисти-

ческих черт в духовном облике советских людей, а также мерам по дальнейшему улучшению идеологического воспитания трудящихся.

Если бы "Общество" действительно желало "звучать вместе с немецкую общественность с судьбой и достижениями народов Прибалтики", то и из этих номеров газеты они могли бы почерпнуть обильную конкретную информацию о быстро растущем благосостоянии советских людей, об издании книг на национальных языках народов СССР, о театрах, развитии науки и высшего образования и т.д. Однако всего этого не делается, ни в этом, ни в других случаях.

Еще одним примером антисоветской передержки является публикация по поводу оценки советской критикой выставки изобразительного искусства Прибалтики, состоявшейся осенью 1960 года в Москве. "Миттейдунген" вопрошали: "В чем же московская критика упрекала художников Прибалтики?". И тут же приводился ответ: "Во влиянии модернистской западной живописи и в стремлении вырабатывать национальное своеобразие — оба эти момента русские критики-искусствоведы... отмечали как порочную основу современного искусства Прибалтики" ¹³⁸²/Здесь залицо проявление истасканной концепции извечной враждебности "востока" (выступающего в данном случае в лице "московских" или "русских" критиков-искусствоведов) "западу" (в данном случае национальному характеру искусства Прибалтики). На практике это означает малоприятельные попытки сеять неприязнь среди братских народов СССР, тем более гнусные, что в действительности большинство советских центральных газет очень одобрительно отзывалось о данной выставке /6/, так, например, "Известия" среди других положительных моментов подчеркнули (как бы специально для "Миттейдунген") и "глубокое, рельефно проступающее национальное своеобразие, связанное и с вековыми культурными традициями, и с чертами национальной психологии, и с особенностями истории,

обычаев, природы прибалтийских краев..." /5/.

Очевидно, свои категорические выводы "Миттейлунген" делают в некоторой степени опираясь на статью В.Зименко в газете "Советская культура" /4/. Но и здесь преобладает благосклонная оценка: "Настоящая выставка, давая понять и о... трудностях развития, большинством своих произведений говорит о крепнущей связи прибалтийских художников с жизнью народа, об уверенном овладении реалистическим мастерством, их активном участии в передовых новаторских устремлениях всего советского искусства". И лишь в заключительной части своей статьи В.Зименко считает полезным в дискуссионном порядке по-товарищески предостеречь некоторых, особенно молодых, художников, что было бы неправильно расценить "воздействие модернистских образцов зарубежного, в частности французского, искусства" и "отклонения от реализма" в своем творчестве как выражение "национального своеобразия".

"Миттейлунген" ополчаются также и против любого проявления реализма в отношении СССР и ФРГ и в других странах.

Конечно, в первую очередь руководителей "Общества" с самого начала волновало появление любых, мало-мальски правдивых материалов в печати ФРГ о жизни Советской Прибалтики. Примечательной в этом отношении была реакция "Миттейлунген" на серию статей прибалтийско-немецкого журналиста Э.Ферга, напечатанную в газете "Гамбургер абенд-блатт".

Сначала в "Миттейлунген" была опубликована обширная благоприятная рецензия /17, S. 39-43/, в которой, помимо пережевывания некоторых антисоветских измышлений Ферга, цитировались высказывания Ферга о достижениях народов Советской Прибалтики. Но вскоре в рубрике "Читательские письма" на Ферга посыпались злобные нападки со стороны крайне реакционных читателей "Миттейлунген". Один

из них усматривал "грех" Ферга в том, что тот критически позволяет себе отзываться о периоде диктатуры буржуазии в Прибалтике. Другой читатель обвиняет Ферга в том, что тот якобы без возражений воспринял "агитацию советского гада" о достижениях Советской Литвы /19, S. 34; 20, S. 36-39; 21, S. 26-32/. "Общество" проводит обширную пропагандистскую работу также и за пределами ФРГ. В ней главное место опять-таки занимает клевета на Советский Союз. Так один из руководителей "Общества" предпринял семинедельную агитационную поездку по США и Канаде. Судя по материалам, опубликованным в "Миттейлунген", главной целью выступлений были поиски союзников для борьбы за "прибалтийское дело", которые выражались прежде всего в яростной клевете на Советский Союз, в запугивании американцев жупелом "советской агрессии". Докладчик при этом не мог не выразить сожаления, что эту "опасность" в Америке "мало кто понимает"; лишь в фашиствующем "Обществе Джона Берча" он усмотрел некоторые проблески надежд на то, что Америка рано или поздно "проснется". Как видим, и в данном случае круги, стоящие за "Обществом" и его органом, ожидало очередное разочарование /16, S. 36-39; 17, S. 26-32/.

Картина деятельности "Общества" останется неполной, если не упомянуть людей, направляющих его работу.

Выше уже отмечалось, представители каких основных групп входят в состав "Общества". Из их среды происходят и руководящие кадры "Общества". Сразу же нужно оговориться, что в "Миттейлунген" приводятся лишь крайне скудные сведения из биографий этих деятелей. Немецкий генерал Антон Грассер, председатель (с "немецкой" стороны) одного из "Объединений", даже специально попросил ограничить "чествование его жизненного пути и военной карьеры лишь отдельными эпизодами" /14, S. 4/ Об абсолютном большинстве руководителей "Общества" с "немецкой" стороны можно во всяком случае утверждать, что они или остзейцы, или же во время

войны так или иначе были связаны с военными действиями гитлеровской Германии против Советского Союза. Упомянутый генерал пехоты Грассер был командующим оперативной группы "Нарва". Среди его заслуг (1) называют и "личный вклад" "в эвакуацию тысяч эстонцев на Запад" к концу войны/1485/. Президент "Общества" Губерт Керен также участвовал в военных действиях на Восточном фронте/1482/"тесные отношения" к литовскому народу" одного из руководителей "Общества" В. Унгфера датируются уже ... 1916 годом, когда он еще во время первой мировой войны являлся комендантом небольшого литовского местечка Плунге" /20, s. 6-7/.

В списке руководителей, избранных в 1961 году /13, s. 6/ выделяется сравнительно большое количество фамилий, указывающих на дворянское происхождение их носителей. Тут и видный деятель реакционного "Прибалтийско-немецкого землячества" Аксель де Фрис и барон Вольф фон Клейст и Харро фон Хирштейдт. Не отсутствуют и "остфоршеры" - выходцы из Прибалтики Ганс фон Римша, Гельмут Вейс, Эрик Томсон и другие.

Вторая часть руководителей "Общества" - это известные пособники гитлеровских оккупантов. Вот несколько фамилий. Например, П. Ковалевский. О жизненном пути этого предателя латышского народа можно прочитать в документальной книге "Они без маски", где узнаем, что П. Ковалевский уже в 1937 году стал агентом гитлеровской разведывательной службы, доставляя ей информацию о вооруженных силах буржуазной Латвии, а позднее, когда согласно договору о взаимной помощи, заключенному между буржуазной Латвией и Советским Союзом, на территории Латвии были созданы базы Красной Армии, он информировал своих хозяев о дислокации и вооружении советских войск и т.д. В 1940 году П. Ковалевский отправился в Германию, где был подготовлен для будущей работы в оккупированной гитлеровцами Латвии. Вернувшись вместе с гитлеровцами в Латвию, П. Ковалевский

стал редактором фашистской газеты "Тавия" /8/.

Или, например, Л.Павул. В газете "Циня" этот нынешний "член главного управления Всемирной федерации лютеран" был разоблачен как надзиратель Валмиерской тюрьмы во время немецко-фашистской оккупации, а затем следователь гитлеровской политической полиции в Валмиере, который с политическими заключенными обращался особенно зверски /9/.

Вице-президентом "Прибалтийского общества" одно время был избран А.Шилде. Это одна из самых одиозных фигур. Еще будучи учащимся, он участвовал в бесчинствах различных фашистских организаций и уже до начала мировой войны стал гитлеровским агентом, а затем поддерживал связи с различными антисоветскими террористическими организациями. Во время гитлеровской оккупации Латвии помимо своей деятельности в штабе организации латышских фашистов "Перконькруст", которая заключалась в организации банд для массовых убийств гражданского населения, он активно сотрудничал в качестве проповедника звериного антисемитизма в различных фашистских изданиях, потом стал генеральным секретарем инспирированной оккупантами организации "Народная помощь", все время параллельно своей "основной" деятельности оставаясь агентом гестапо /8,12.,26.1pp./.

В работе "Общества" активно участвует также бывший командир полка созданного гитлеровцами латышского легиона СС В.Скайстлауко и др.

Такова вторая часть деятелей "Общества" — предателей своего народа, тщательно скрывающих свое позорное прошлое. "Пока у них на лице маски, они говорят о свободе и правах народов, о культуре, религии и морали. Снимите с них маски, и вы увидите преступников..." /8,143.,207.1pp./.

Общим для руководителей "Прибалтийского общества" всех мастей является то, что всем им в прошлом на более или менее продолжительный срок удавалось стать господами народов Прибалтики. Их последние надежды и попытки восста-

новить в Прибалтике эксплуататорский строй (а для части из них - и вовлечь Прибалтику в сферу германского империализма) при помощи гитлеровской Германии во время второй мировой войны потерпели полный крах.

В послевоенное время именно "Прибалтийское общество" можно рассматривать как центр новых поисков контактов и реваншистского сотрудничества между названными выше кругами. При этом, как справедливо отмечает М.М.Духанов, "заигрывание потомков остзейцев (и других милитаристско-реваншистских кругов ФРГ - П.О.) с буржуазно-националистической эмиграцией является очередным тактическим маневром, рассчитанным не более чем на один "тур вальса", что однако, нисколько не смущает буржуазных националистов, готовых снова "способствовать превращению Прибалтики в "Остланд", хотя они заранее знают, что "в результате им досталось бы лишь привычная роль прислужников... исконных врагов своих народов"/1, с.374/. Платформой для сближения этих реакционных сил служит антикоммунизм и в особенности борьба против советского строя в Прибалтике, в котором они усматривают главную преграду на пути к достижению своих реваншистских замыслов.

Но какую же альтернативу выдвигает "Общество" советскому строю в Прибалтике? От прямого ответа на такой вопрос "Миттейлунген" воздерживаются. Однако, судя по содержанию и даже по форме "Миттейлунген"- на титульном листе их изображены гербы бывших прибалтийских буржуазных республик рядом с западногерманским орлом и ниже его - на данном этапе милитаристско-реваншистские круги ФРГ желали бы восстановление эксплуататорского строя в Прибалтике в форме своего рода федеративной прибалтийской республики. Характерно, что летопись усилий с германской стороны, направленных... на "достижение единства Прибалтики", "Миттейлунген" начинают со времен Тевтонского ордена.

Может, конечно, возникнуть вопрос, стоит ли уде-

лять какое-то внимание этому "Обществу", в котором под громким названием обретаются лишь ничтожная кучка людей, хотя и ультрареакционеров, особенно в нынешних условиях, когда во всем мире происходит процесс оздоровления международной обстановки. К тому же "Общество" так дискредитировало себя, что находящееся у власти в ФРГ правительство Брандта - Шееля, придерживающееся более реалистической внешней политики, уже сочло невозможным финансировать эту реваншистскую организацию.

Но ведь "Прибалтийское общество" продолжает существовать и в меру своих сил старается отравлять международную обстановку. О лишении "Общества" государственной субсидии в информации "Должны ли их голоса замолкнуть?" в ноябре 1972 года сообщил прибалтийско-немецкий журнал "Балтише брифе" 10/. Но, как сообщает позже тот же журнал, "Общество" в настоящее время планирует мероприятия, направленные против созыва всеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества/11/. Реакционный западногерманский журнал "Цейтшрифт фир остфоршунг" продолжает рекомендовать "Миттейлунген" и отдельные статьи в них в качестве источника информации о Прибалтике.

Таким образом, можно отметить, что руководители "Общества" продолжают оставаться на реакционных, крайне нереалистических позициях. Изменение же положения его руководителей происходит в результате таких конкретных мероприятий властей, как лишение его государственной финансовой поддержки.

Что касается вопроса редактора "Балтише брифе": "Должны ли их голоса замолкнуть?", то, несомненно, что сторонники укрепления мира и безопасности ответят на это - да, должны. И чем скорее, тем лучше.

Литература

1. Духанов М. М. Остзейцы. Явь и вымысел. Рига, 1970.
2. Ежегодник Большой Советской энциклопедии 1961. М., 1962.
3. Ежегодник Большой Советской энциклопедии. М., 1972.
4. Зименко И. Искусство Прибалтики. - "Советская культура", 1960, 15 окт.
5. Каменский А. Национальные традиции и современность. - "Известия", 1960, 27 окт.
6. См. "Известия", 1960, 12 окт.; "Советская культура", 1960, 27 окт.
7. "Правда", 1973, 25 мая.
8. Arklāns B., Dzirkalis J., Silabriedis J. Vipi bez maskas. R., 1966.
9. Saune K. Par kēdu savēdu karjeru. - "Cīņa", 1972, 8. dec.
10. "Baltische Briefe", 1972, Nr. 11, S. 1.
11. Ibidem, 1973, Nr. 2, S. 5.
12. "Mitteilungen aus baltischen Leben." Herausgeber: Baltische Gesellschaft in Deutschland, 1961, Nr. 1.
13. Ibidem, 1961, Nr. 2.
14. Ibidem, 1961, Nr. 4.
15. Ibidem, 1962, Nr. 1.
16. Ibidem, 1962, Nr. 2.
17. Ibidem, 1962, Nr. 3.
18. Ibidem, 1962, Nr. 4.
19. Ibidem, 1963, Nr. 1.
20. Ibidem, 1963, Nr. 2.
21. Ibidem, 1963, Nr. 3.
22. Ibidem, 1963, Nr. 4.
23. "Nachrichten der Baltischen Zentralen Bibliothek." - Beilage der "Mitteilungen...", 1962, Nr. 1.

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ КРУГОВ ЛАТЫШСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В последние годы силы мира сумели вынудить империалистические страны пойти на мирное сосуществование государств с различным социальным строем. Это результат глубоких объективных тенденций общественного развития, результат изменения соотношения и расстановки мировых классовых сил в пользу социализма. Но это не означает ослабления классовой борьбы как в странах капитала, так и на международной арене. Силы "холодной войны" еще не сложили оружия, идеологическая борьба продолжается в полную силу. Реакционеры всех мастей пытаются остановить общественный прогресс путем навязывания своей антикоммунистической идеологии не только народам капиталистических, но и социалистических стран, стремясь добиться "перерождения" социализма в капитализм.

С этой целью во всемирной битве за умы и сердца людей империалистическая реакция собирает под свои знамена всех, кто готов служить антикоммунизму: белогвардейскую и буржуазно-националистическую эмиграцию, троцкистов, сионистов, разного рода перебежчиков и предателей, в том числе и тех латышских эмигрантов, которые придерживаются буржуазно-националистических взглядов.

Эмиграция латышей началась уже во второй половине XIX века. Она имела не только экономические, но и политические причины, особенно после подавления революции 1905-1907 годов, когда преследуемые царизмом эмигрировали многие участники революционной борьбы, которые и в эми-

грации продолжали участвовать в революционной борьбе и сегодня придерживаются прогрессивных взглядов.

Иного рода латышская эмиграция образовалась в конце второй мировой войны, когда отступающая фашистская армия увлекла с собой около 280 тысяч человек. Многие на чужбину угнали силой, немало было и таких, которые были одурманены фашистской пропагандой, бежали и предатели своего народа, сотрудничавшие с оккупантами. Поэтому латышская эмиграция, образовавшаяся в результате второй мировой войны, не является однородной.

Всего теперь за границей осталось около 110-120 тысяч латышей /38, 473.1pp/. В этой эмиграции есть люди, сочувствующие социалистическим преобразованиям в Советской Латвии. Они приезжают в республику с добрыми намерениями, сотрудничают в зарубежной прогрессивной печати. Довольно много есть таких, которые, хотя и стоят на буржуазных позициях, но честно пытаются понять, что происходит на их бывшей родине.

Но есть и реакционная часть эмиграции, которая стоит на позициях воинствующего буржуазного национализма и антикоммунизма. Среди её руководителей и до сих пор еще немало отъявленных врагов латышского народа, которые в годы гитлеровской оккупации были прислужниками фашистов. Учёными Советской Латвии довольно подробно освещена их гнусная роль в годы войны и подрывная антисоветская деятельность послевоенных лет / 9; 27; 32; 42; 43/.

В настоящее время эти реакционеры путем антикоммунистической деятельности пытаются выслужиться перед своими хозяевами и навязать свое "руководство" остальным латышским эмигрантам. С этой целью реакционная часть эмиграции объединяется в организации, которые входят в единый антикоммунистический фронт. Функции подобных эмигрантских организаций весьма четко еще в 1950 году сформулировал один из теоретиков антикоммунизма, профессор Йельского университета Фредерик Баргхорн: " Мы должны с помощью эмигрантов из СССР предпринять систематический анализ советско -

го общества в целях эффективного донесения миссии Америки до различных аудиторий внутри Советской России", / 28, р. 290/ т.е. дифференцированно, учитывая особенности аудитории, заниматься идеологическими диверсиями.

И, действительно, неопровержимые факты свидетельствуют, что "созданные за рубежом эмигрантские центры используют специальными службами империалистических государств для осуществления подтивных планов против СССР" / 5, с. 8/. Один из теоретиков антикоммунизма Эдвард Олворт даже счел необходимым в 1971 году подчеркнуть "заслуги" эмигрантов из СССР в "закладывании в США фундамента вопроса изучения советских национальностей" и то "неутомимое упорство", с которым они протаскивали этот вопрос в среду советологов / 44, pp. 2-3/.

Реакционные эмигранты не только сотрудничают в "исследовательских" центрах по фальсификации истории социалистического общества, они издают и антисоветские газеты и сборники, выступают с провокационными передачами по радио империалистических государств.

Следует отметить, что в таком антисоветском сотрудничестве заинтересована не только реакционная часть латышской эмиграции, жаждущая вернуть свои утраченные господствующие позиции и получающая известные субсидии от правительств некоторых капиталистических государств, но и определенные лица как в правительственных кругах стран Запада, так и среди идеологов антикоммунизма.

Сторонники "холодной войны" в империалистических государствах всегда пытались использовать реакционные эмигрантские организации для поддержания напряженности в отношениях с социалистическими странами, для раздувания несуществующих вопросов и проблем. Так, в течение многих лет империалистические государства игнорировали существование Советской страны, было потрачено много чернил для "доказывания" "незаконности" социалистической революции. Но уроки истории не пошли им впрок. В послевоенные годы с таким же "успехом" некоторые политики западных стран

еще до сих пор продолжают игнорировать факт, что в Латвии власть перешла в руки народа.

Поощрению антисоветской деятельности реакционной эмиграции из республик Прибалтики, например, служила резолюция, принятая палатой представителей конгресса США в 1965 году, предлагающая президенту Джонсону обратить внимание мирового общественного мнения на "... лишение народов Эстонии, Латвии и Литвы права на самоопределение"/7/, читай - на лишение буржуазии "права" лорабощать и эксплуатировать трудящихся, "права" превратить Прибалтийские республики в аграрный придаток империалистических государств. Естественно, что в эмигрантских изданиях нередко появляются слова благодарности в адрес таких политиков.

Нереальность планов реставрации капитализма очевидна. Поэтому, учитывая и пробывающий в США дорожку курс на развитие сотрудничества в СССР, уже в 1967 году сами реакционные эмигранты вынуждены были сомневаться, "не падает ли ценность таких деклараций до уровня просто бумаги" / 26 /.

Антикоммунистические круги западных стран используют реакционные эмигрантские организации и издания для идеологического воздействия на остальных эмигрантов, для их дезинформации, обработки в антисоветском духе, а также для антикоммунистического идеологического воздействия на население Советской Латвии. Эти организации считаются особенно "удобными" для распространения разного рода антисоветских измышлений и провокационных слухов. К пропаганде, ведущейся со страниц латышских реакционных эмигрантских изданий и через эфир, в значительной мере применим критерий "серой", а в некоторых случаях и "черной" пропаганды. Уже неоднократно были разоблачены приемы и методы такой пропаганды /9, 31, 33, 35, 36/.

Ярко выраженный злобный антисоветский и антикоммунистический подход идеологов буржуазно-националистической части латышской эмиграции в освещении социалистических преобразований и строительства коммунизма в Латвии в зна-

чительной мере объясним и их прошлым социальным положением. Не следует упускать из виду, что это люди, чьи классовые интересы были непосредственно затронуты социалистической революцией 1940 года в Латвии. Даже они сами вынуждены признать, что их антикоммунизм содержит "слишком много эмоциональности в связи с личным опытом", т.е. в связи с тем, что им уже никогда больше не хозяйничать в Латвии. Вопреки всякой логике они боятся себе признаться в окончательном поражении, поэтому ищут поддержку среди самых оголтелых антикоммунистов.

Что это именно так, свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что латышские реакционные эмигрантские издания всячески рекламируют работы тех советологов, которые избрали своим единственным оружием клевету, откровенную враждебность по отношению к социалистическому строю.

Ярким примером оголтелого антикоммунизма может служить книжка американского "советолога" Эйдена Лайонса "Потерянный рабочий рай", претендующая на подведение итогов 50-летнего развития нашей страны. Э.Лайонс все достижения советского народа объявляет мифом: и индустриализацию, и коллективизацию, и планирование, и развитие культуры и науки. Такая открыто антисоветская позиция приветствуется руководством латышской эмиграции. Одна выходящая в ФРГ эмигрантская националистическая газетка печатала пересказ этой книги даже в восьми номерах, снабжая его своими комментариями. Аннотации помещали и другие газеты.

На политических семинарах, дискуссиях, слетах латышей - эмигрантов перед ними выступают не только "свои" идеологи, но и такие "анатоки" советской жизни как отъявленный антикоммунист Л.Шагино, взывающий к националистическим чувствам эмигрантской молодежи латышского происхождения. Тесное сотрудничество с одним из ведущих центров "советологии", Институтом Гувера в США, и "остфоршерами" в ФРГ характеризует и созданную в 1970 году Ассоциацию содействия развитию изучения Прибалтики, в которой объединились имеющие учёные степени эмигранты прибалтийского происхождения. Как и все враги мира, латышские эмигранты - антикоммунисты строят свои расчеты на военном противостоянии США и СССР.

Но сегодня эти их надежды рушатся. Так же исчезли надежды дождаться экономического поражения социализма в СССР.

Успехи социалистического строительства в Латвии и других советских республиках, значительно возросший поток туристов в СССР, интерес эмигрантской молодежи к социалистической Латвии, а также обновление и омоложение руководства эмигрантских организаций - все это, вместе взятое, вызвало изменение форм, методов и объектов буржуазно-националистических фальсификаций. Определяющим в данной ситуации выступал фактор растущего влияния, признания и авторитета мировой системы социализма в целом. "Идеи социализма в современном обществе актуальны, это реальность, которая может не нравиться, но с которой надо считаться", - признает Бруно Калныньш, лидер так называемой латышской социал-демократической партии в эмиграции, не имеющей ни малейшего права называться партией и, тем более, рабочей партией Латвии. (Действительный характер этой "партии" хорошо показан в книге Р.Иевкална "ЛСДРП. Партия или совокупность букв?" /34/. Ни один житель нашей республики в ней не состоит, и она настолько малочисленная, что за весь период её существования с 1945 года ни разу не было официально объявлено число её членов).

Одновременно на изменения в антикоммунистической идеологической деятельности буржуазно-националистической части латышской эмиграции существенное влияние оказали и изменения в тактике антикоммунизма в целом. Общие сдвиги в теориях и концепциях антикоммунизма в сторону более уточненных и завуалированных форм фальсификации развития советского общества нашли отражение (с отставанием в несколько лет) на страницах эмигрантских изданий во второй половине 60-х - начала 70-х годов. Характерной особенностью указанного периода является стремление западных идеологов и деятелей латышской эмиграции заслонить фальсификаторскую суть своих рассуждений детальным описанием специально подобранных реальных фактов, имеющих место в нашей действительности, акцентирование внимания на проблемах недостаточ-

но разработанных или сопряженных с известными трудностями на пути своего решения. Несомненно, что "проблемы, над которыми еще следует потрудиться, - как заявил Л.И. Брежнев, - есть и, видимо, будут всегда и во все времена" /3/. Именно на этом пытаются спекулировать антикоммунисты из латышской эмиграции.

Особое внимание в своей пропаганде они уделяют жизни в Советской Латвии. Трудно назвать проблему общественной жизни республики, отрасль народного хозяйства, которая бы не была тенденциозно, преимущественно с антисоветских позиций освещена на страницах реакционной эмигрантской печати. При этом преследуется несколько целей.

По отношению к латышским эмигрантам - это стремление дезинформировать, запугать, посеять недоверие и подозрительность в отношении всего, что происходит на их родине, мешать установлению контактов, посещению Латвии и, одновременно - укреплять свое пошатнувшееся влияние в эмигрантской среде.

По отношению к латышской социалистической нации - главное - тоже дезинформация и идеологические диверсии с целью посеять недоверие к Советской власти, Коммунистической партии, недоверие крестьян к рабочим города и т.д. и, наряду с этим - показать "предести" капиталистического общества, его "естественность", "прогрессивность", "вечность" и т.д. Это делается с целью помешать строительству коммунизма в Советской Латвии, оторвать латышский народ от дружной семьи народов СССР и восстановить капиталистический строй. Нереальность таких целей очевидна. Тактика антикоммунистов меняется, но стратегическая цель остается прежней.

Каковы же вопросы, которым реакционные латышские эмигранты уделяют главное внимание в своей подрывной идеологической деятельности?

В последние годы в советологии одними из наиболее часто подвергавшихся спекулятивным трактовкам являются вопросы развития советского сельского хозяйства, совет -

ской политической системы (и, особенно, роли в ней Коммунистической партии), а также национальных отношений. Эти стороны жизни нашего общества противники социализма сделали постоянной мишенью своих нападок.

Анализ взглядов реакционных идеологов латышской эмиграции по некоторым аспектам сельского хозяйства, советской демократии и национальных отношений наглядно демонстрирует отсутствие у них оригинальности и полную поддержку концепций ведущих теоретиков антикоммунизма - и здесь они следуют в общем русле антисоветизма, антикоммунизма.

Рассмотрим их приемы фальсификации в вопросах сельского хозяйства.

Повышенный интерес к советскому сельскому хозяйству вообще характерен для антикоммунизма. Например, в вышедшем в 1963 году в Лондоне библиографическом указателе "Books on Communism" дан перечень более 2,5 тысяч работ советологов, многие из которых "или касаются, или посвящены вопросам развития сельского хозяйства в СССР" / 22, с. 5/. Внимание к этой отрасли народного хозяйства не ослабевает и до сих пор, а положение дел в сельском хозяйстве Советской Латвии являлось и является излюбленной темой эмигрантской пропаганды.

Главное острие всех антикоммунистических нападок по вопросам сельского хозяйства направлено против колхозного строя. Буржуазно-националистические идеологи реакционных кругов латышской эмиграции всячески стараются "доказать", что колхозы "противоестественны" и "неприемлемы", что коллективизация "пагубна" для крестьян и т.д.

Такая преувеличенная "заинтересованность" буржуазных эмигрантов тематикой колхозов объясняется, на наш взгляд, несколькими причинами.

Во-первых, значительную прослойку эмиграции составляют бывшие "серые бароны", а во главе эмигрантских организаций долгое время находились активные деятели "Крестьян-

ского союза" - партии кулаков времен буржуазной Латвии. Земля и хутора, ранее принадлежавшие им, теперь используются колхозами и совхозами.

Во-вторых, коллективизация ликвидировала мелкотоварное производство - экономическую основу для постоянного воспроизводства класса сельской буржуазии, т.е. ту социальную базу, с которой руководители эмиграции связывали свои планы реставрации капитализма в нашей республике.

В-третьих, бурное развитие промышленности в Советской Латвии, продукция которой уже до 1965 года выросла в 17,4 раза по сравнению с 1940 годом (а к 1973 году даже в 31 раз), лишало фальсификаторов возможности критиковать эту область народного хозяйства Латвии, не популяризируя этим самым огромные достижения советского строя. В то же время сельское хозяйство республики по ряду объективных и субъективных причин развивалось значительно медленней. В советской литературе широко обсуждались проблемы сельского хозяйства, критиковались недостатки. Используя этот материал и спекулируя на ошибках, допускаясь в прошлом в руководстве сельским хозяйством и на объективных сложностях развития этой отрасли народного хозяйства, западные советологи и латышские буржуазные националисты причиной всех недостатков (как фактических, так и вымышленных) объявляли коллективизацию.

Для "обоснования" таких голословных утверждений используются разные присмы.

В первую очередь буржуазно-националистические идеологи эмиграции заимствовали у философов периода фашистской диктатуры Ульманиса реакционную концепцию о латышской нации как нации хозяев, восхвалявшую крестьянство как фактор стабильности нации, как "хранителя расы и культуры" и поэтому видели в коллективизации сельского хозяйства Латвии не больше, не меньше как ... уничтожение латышской нации.

Эти идеологи используют и антикоммунистический тезис о принципиальной враждебности марксизма- ленинизма

крестьянству. Всячески подчеркивая лишь принадлежность крестьянина, в том числе середняка и бедняка, к людям, имеющим частную собственность, не говоря ничего о последних как о тружениках, западные советологи и идеологи реакционной эмиграции в большинстве своем пытаются создать таким образом иллюзию общности интересов всего крестьянства с классом капиталистов, органической враждебности его рабочему классу и социализму. Они продолжают повторять старые измышления. Еще в 1930 году латышский буржуазный историк А.Грин излагал популярную в тот период у врагов социализма интерпретацию коллективизации: как борьбу... с крестьянами, против их "привязанности к своему уголку и своему клочку земли" / 4I, 696.1pp/, а английский советолог Т.Клифф в 1955 году продолжал утверждать, что крестьяне "никогда не смогут изменить своей приверженности к земельной собственности и враждебности к социализму" / 2I, с. 182/. В то же время аграрная политика Коммунистической партии трактуется как политика, направленная против крестьянства. Как отмечают советские исследователи, "на этом стоят все или почти все современные буржуазные историки и экономисты, как, впрочем, стояли и 20 и 40 лет назад" / 13, с. 202/. Это относится и к идеологам реакционных кругов эмиграции. Например, историк Арвед Швабе в социалистических преобразованиях в сельском хозяйстве видел прежде всего "разрушение здоровой и стабильной структуры аграрного строя Латвии". Ему вторит в духе националистической теории "единого потока" бывший дипломат буржуазной Латвии А.Спекке, который утверждал, что якобы "введение колхозов уничтожило ... крестьянство, как класс, который являлся главным двигателем национальной и культурной жизни".

Советские исследователи среди специализирующихся по аграрным отношениям СССР советологов выделяют два направления - консервативное и либеральное. Если сторонники возникшего сравнительно недавно либерального направления считают (хотя и с оговорками) социалистический путь совет-

ской деревни прогрессом, то приверженцы консервативной концепции развития советского аграрного строя /45/, к которой следует отнести и латышских буржуазных националистов в эмиграции, утверждают, что "отношения частной собственности имманентны крестьянскому сознанию и всякий отход от них неизбежно ведет сельское хозяйство к упадку" /13, с. 202/.

Отрицание латышскими буржуазными эмигрантами объективной необходимости коллективизации сельского хозяйства проявляется и в формах восхваления буржуазной аграрной реформы 1920 года в Латвии и в идеализации хуторской системы. Преобразования, проведенные в 1920 году, по мнению экономиста Айзсилниекса, историка Дунсдорфа и др. авторов, якобы "наилучшим образом соответствовали" специфическим условиям Латвии, т.е. интересам буржуазии.

Детальная оценка этой аграрной реформы дана советскими историками, как реформы буржуазной, цель которой - укрепление господства буржуазии путем увеличения и укрепления слоя кулачества. Увеличение производства сельскохозяйственных прод.тов было достигнуто путем интенсификации кулацких хозяйств, дотаций кулацким хозяйствам со стороны буржуазного правительства и усиления эксплуатации деревенской бедноты и сельскохозяйственных рабочих. Поэтому все утверждения об "уничтожении крестьянства", "разрушении здоровой структуры" есть не что иное как социальная демагогия, преследующая своей целью заботу о кулаках выдать за заботу о крестьянстве в целом.

Во второй половине 60-х годов, особенно в 1966-68 годах, эмигрантская пресса часто использовала прием манипуляции цифрами, вырванными из комплекса показателей, совершенно не отражавшими подлинного состояния сельского хозяйства республики, которые должны были создать у читателей искаженное представление о социально-экономических процессах в латвийской деревне.

Эмигрантские издания преднамеренно замалчивали не-

выгодные для них показатели, как-то: увеличение в 1966 году по сравнению с 1940 годом производства мяса - в 1,5 раза, яиц - в 2 раза, данные о росте потребления электроэнергии в сельском хозяйстве (0,9 миллиона киловатт-часов в 1938 году, 252 миллиона - в 1966 году, 426,0 миллионов - в 1969 году) /17, сс. 189, 205/, широкий размах мелиоративных работ (за все двадцатилетие господства буржуазии в Латвии было осушено 70 тысяч гектаров заболоченных земель, а за 20 лет Советской власти - свыше миллиона гектаров) /7/ и др. Обходился молчанием рост валовой продукции сельского хозяйства в расчете на одного работающего (и это при значительном сокращении рабочего дня). А факты таковы, что уже в 1966 году валовой продукции сельского хозяйства в расчете на одного работающего было произведено в 2 с лишним раза, в 1971 году в 3,3 раза больше, чем в довоенный период.

В некоторых случаях встречается и прямая подтасовка, недобросовестное обращение с цифрами, как, например, преуменьшение поголовья свиней, урожайности сельскохозяйственных культур и др.

Часто используется еще один прием - колхозной системе производства враги социализма противопоставляют приусадебные участки. Тема личных приусадебных участков буквально не сходит со страниц изданий буржуазно-националистических кругов латышской эмиграции.

К ставшему для буржуазных ученых избитым тезисе об индивидуалистической психологии крестьянина буржуазными националистами добавляется заимствованное у философов и историков буржуазной Латвии положение о якобы существующем индивидуализме латышей, как нации в целом. Довольно высокая продуктивность приусадебного участка свидетельствует, по их мнению, о "неприемлемости" для латышских крестьян общественного хозяйства.

На приусадебных участках, по их утверждению, производительность и товарность производства якобы выше, чем в

общественном хозяйстве. В этом сторонники антикоммунизма видят "убедительное доказательство превосходства частно-хозяйственных методов над государственными" /13, с.272/.

Такие утверждения являются чистой дезинформацией. Сразу надо отметить, что неправильно представлять приусадебные участки "частными" ("privatis"), т.е. основанными на частной собственности хозяйствами предпринимательского типа, как это делают западные советологи и латышские реакционные эмигранты. Личное подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих не является антиподом общественному производству, а есть его необходимое дополнение. Обработка приусадебного участка осуществляется с помощью тягловой силы, взятой в колхозе или совхозе. Производство мяса, молока и яиц в личном подсобном хозяйстве также на 2/3 обеспечивается за счет кормов, бесплатно или на льготных условиях полученных из общественного хозяйства /8, с. 40/.

Кроме того нельзя забывать, что в личном подсобном хозяйстве преобладающим является ручной труд. Поэтому естественно, что производительность труда в общественном хозяйстве, где широко применяется высокопроизводительная техника, гораздо выше.

Одной из отличительных особенностей личного подсобного хозяйства является его преимущественно потребительский характер. Известно, что почти 80 % произведенной продукции потребляется внутри этих хозяйств, тогда как в общественном производстве колхозов и совхозов продается государству примерно 60 % продукции земледелия и 10 % продукции животноводства.

Удельный вес личного подсобного хозяйства в отдельных видах валовой продукции в нашей республике немал: в производстве мяса - 35 %, молока - 38 %, овощей - 47 % (данные за 1971 год) / 18, с.141/. Это весьма ощутимый вклад в продовольственный баланс республики. Но удельный вес личного подсобного хозяйства в товарной продукции

значительно меньше, чем в валовой, и имеет весьма заметную тенденцию к сокращению. Например, в Латвийской ССР с начала 60-х годов до начала 70-х удельный вес личного подсобного хозяйства в товарной продукции уменьшился: картофеля - с 48 % до 26 %, мяса - с 28 % до 23 %, молока - с 28 % до 22 %, яиц - с 24 % до 7 % /18, с.143/.

В целом доля личного подсобного хозяйства в производстве товарной продукции сельского хозяйства составила по Латвийской ССР в среднем за 1966-1970 гг. - 23 % (в 1961-65 гг. - 28%) /18, с.143/.

Это свидетельствует о том, что латвийские колхозники, рабочие и служащие совхозов своей самоотверженной работой в общественном хозяйстве убедительно доказали не только преимущества общественного производства, но и то, что они свое будущее связывают именно с этим общественным производством.

Реакционные эмигрантские издания в целях дезинформации зарубежного читателя много внимания уделяют искаженному освещению материального положения сельских тружеников нашей республики.

"Почти бесправные пасынки советской жизни", "рабочие рабы", "батраки", которых заставляют жить в хозяйственных постройках... и в любое время могут прогнать из занимаемой квартиры, особенно тогда, когда достигнут пенсионный возраст и потеряна работоспособность", так еще во второй половине 60-х годов изображала положение колхозных крестьян Латвии националистическая пресса латышской эмиграции.

Читая эту явную клевету, трудно отделаться от ощущения, что время для буржуазных фальсификаторов остановилось лет 35-40 назад и положение батраков буржуазной Латвии, когда каждый 6-й сельский житель вынужден был батрачить /6/, они автоматически распространяют и на сегодняшнее крестьянство.

Эмигрантская газетка, издаваемая в Лондоне, с целью

дезориентации своих читателей в 1965 году писала, что приусадебные участки якобы приносили 90 % всего дохода крестьянской семье, почему, мол, крестьяне и не заинтересованы в работе в общественном хозяйстве. Такие голословные клеветнические утверждения полностью опровергаются данными о фактической структуре дохода колхозной семьи.

Из года в год систематически происходит непрерывный рост доходов от общественного хозяйства, что вызывает падение доли дохода от личного подсобного хозяйства в совокупном доходе колхозников. В структуре совокупного дохода семей колхозников в целом по нашей стране доходы от личного подсобного хозяйства составили в 1966 году 37 %, в 1969 году - 34,1 % /23, с. 102/.

В те же годы планируемая гарантированная оплата труда колхозников и приравнивание ее к зарплате рабочих города объявлялась "очередной пропагандой".

На деле же - доходы сельских тружеников, особенно после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, росли быстрее, чем доходы рабочих и служащих в городах. Так, если с 1960 г. по 1969 г. в Латвийской ССР зарплата промышленно-производственного персонала увеличилась на 54 %, работников совхозов на 80 %, то среднемесячный доход колхозников от общественного хозяйства вырос за это же время в 2,65 раза /16, с.73/, а гарантированная ежемесячная оплата труда с 1967 года стала обязательной нормой для всех колхозов республики.

В настоящее время в нашей республике уровень оплаты труда в колхозах (сельскохозяйственных) примерно достиг уровня оплаты труда в совхозах, хотя еще ниже средней заработной платы всех рабочих и служащих. В то же время все доходы колхозников (с учетом доходов от личного подсобного хозяйства и других поступлений) в расчете на одного работающего, а также на каждого члена семьи даже несколько превышают средние доходы в семьях рабочих и служащих /17, с. 322/. Рост благосостояния и реальных доходов колхозни-

ков, который латышскими националистами объявлялся "очередной пропагандой", неоспорим, и он был достигнут советским крестьянством социалистической Латвии в довольно короткий срок.

Успехи советского колхозно-совхозного строя вынудили буржуазных идеологов искать новые подходы, новые позиции для его интерпретации. Одним из важных элементов такого нового подхода явился отказ от безусловно негативного отношения к социалистическому кооперативному строю. Например, даже такой противник колхозного строя, как известный западногерманский аграрник Отто Шиллер вынужден признать преимущества кооперативной формы ведения сельского хозяйства, ссылаясь, в частности, на опыт СССР /13, с.269/. Он же писал, что считает невозможным возвращение к частной форме хозяйствования в советском сельском хозяйстве "не только по политическим и идеологическим мотивам", но и из-за отсутствия объективных предпосылок. "У советской молодежи совсем другие цели и желания, чем возвращение к индивидуальному крестьянскому хозяйству" /40/. Такие высказывания весьма симптоматичны.

В свете этих вынужденных признаний, вызванных невозможностью впровергнуть реальные факты, особенно нагляден оголтелый антикоммунизм латышской буржуазно-националистической эмиграции, ее принадлежность к наиболее реакционным силам лагеря империализма. "Как бы ни смотрели на это дело сельскохозяйственные эксперты", единственным условием "расцвета" сельского хозяйства эмигрантская пресса во II половине 60-х годов продолжала выдвигать "полную ликвидацию коллективной системы" и возвращение к старому принципу "каждому землепашцу свой уголок, свой клочок земли". Вот чего стоят их "заботы" о развитии сельского хозяйства Советской Латвии.

Наряду с фальсификациями по вопросам сельского хозяйства идеологи буржуазно-националистических кругов латышской эмиграции в своей антикоммунистической пропаганде

все больше внимания уделяют идеологическому проникновению при помощи национализма. Это объясняется тем, что империалистической пропаганде все труднее становится действовать, когда речь идет о всемирно-исторических завоеваниях социализма в развитии промышленности и сельского хозяйства, об успехах в удовлетворении потребностей человека. В этих областях все труднее заниматься фальсификациями, ибо слишком взгляды успехи советских людей. Кроме того — прямой, открытый антикоммунизм сам себя разоблачает в глазах населения нашей республики, сразу видна его антисоветская, антинародная сущность. Поэтому они действуют скрытно и постепенно, до поры до времени не раскрывая свои планы и цели.

Идеологи буржуазно-националистических кругов эмиграции в последние годы все больше внимания уделяют теории "эрозии идеологии" в СССР или "внутренней эволюции" нашего государства. И это не случайно. Дело в том, что с середины 60-х годов в основу стратегического курса империализма в отношении европейских социалистических государств была положена политика так называемого "мирного вмешательства".

Основные контуры "эволюционной теории" изложены в работах известного американского идеолога антикоммунизма Э.Бжезинского. Причем, желательные, с его точки зрения, изменения должны начаться с идеологии и политики и привести к изменениям всего общественно-экономического строя, а не от экономических перемен к последующей трансформации идеологии, как это, например, изображают сторонники теории конвергенции.

Многие буржуазные идеологи хорошо понимают, что надежды на идеологическое перерождение советского общества в результате каких-то внутренних процессов нереальны. Поэтому Э.Бжезинский предлагает попытаться поставит под угрозу идеологическое единство советского общества "в силу либо проникновения чужих концепций, либо релятивизации идеологии" /29, р.92/..., т.е. либо путем инфильтрации чуждой социалистическому обществу буржуазной идеологии,

либо путем идеологических диверсий подорвать доверие народных масс к марксистско-ленинской идеологии.

Для этих целей используется популярная у буржуазных идеологов теория "демократического социализма", которая является основной концепцией и современной правой социал-демократии, сформулированной еще на первом конгрессе Социалистического интернационала в 1951 году. Многие ведущие деятели этого Интернационала не теряют надежды на изменение политического строя социалистических стран в духе "демократического социализма" /12, сс.68-79/.

Лидер группы отщепенцев, именующих себя латышскими социал-демократами, Бруно Калныньш еще в 1957 году в брошюре с многозначительным названием "Эволюция или революция в Советском Союзе?" ставку в своих планах реставрации капитализма (по его терминологии - создание "демократического социализма" - Ф.Р.) делал на "эволюцию". План "эволюционных" преобразований представлялся ему в виде постепенных изменений в хозяйственной и политической жизни страны, которые привели бы к подрыву основ социализма и к реставрации капитализма.

Б.Калныньш вынужден признать, что "восстановление крупной собственности и капитализма являются неприемлемыми требованиями для советских народов, в том числе и для латышского народа". Поэтому даже такой антикоммунист как он считает возникновение "революционной" (т.е. контрреволюционной - Ф.Р.) ситуации маловероятными, т.к. для этого, по его словам, "нужен тяжелый кризис коммунистической идеологии, далеко идущее уменьшение ее влияния в народе". А это нереально.

Самозванные "лидеры" эмиграции признали, что латышскому народу чужды их идеи, тем не менее Б.Калныньш и ему подобные не отказались от своих целей. Свои дальнейшие планы Бруно Калныньш и в настоящее время строит на использовании "внутренних сил", стремящихся к "свободе и демократическому социализму", т.е. к капитализму. В последние

годы его призыв ориентироваться не на внешнее вмешательство, а "на латышей в Латвии", восприняли и другие вожаки латышской эмиграции, сделав соответствующие коррективы в своих планах.

Как средство для "постепенного перерождения" и склонения отдельных людей к предательству интересов народа прежде всего и главным образом используется национализм.

Выбор такого направления - не случайность. В своих планах оживления пережитков именно национализма в сознании советских людей наши идейные противники делают ставку на то, что националистические предрассудки, преувеличенное или извращенное проявление национальных чувств - явление живучее, цепко держащееся в психологии людей, недостаточно зрелых в политическом отношении. На это указывалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии /2, с.21/. Коммунистическая партия всегда учитывает этот момент как в своей работе по воспитанию нового человека, так и в своей экономической, культурной и национальной политике.

Национализм объявляется буржуазными идеологами главной формой идеологии нашего столетия, вечным и неистребимым, определяющей силой XX века, способной якобы не только противостоять коммунизму, но и победить его. Например, американский профессор В.Коларз утверждает: "В конце концов коммунизм может капитулировать перед национализмом в масштабе всего мира" /37, р.12/.

Проведенная "Институтом революции, войны и мира" (Калифорния, США) международная конференция идеологов империализма, посвященная "историческим судьбам марксизма", также сделала упор на то, что "национализм - сильнейшая эмоциональная сила нашего века", который якобы "по всей вероятности определит судьбу коммунизма" /14, с. 244/.

Заправилы латышской эмиграции с большой охотой

берут на вооружение эти уже привычные для них положения. Они главную ставку в своих планах реставрации капитализма делают на попытках оживления национализма. Утверждают, что "национальная проблема включает в себя взрывчатое вещество для прочности всего советского государства" /40, с. 84/, национализм - "один из самых упорных противников коммунизма", который "не позволяет осуществить коммунистическое перевоспитание", - эти ставшие уже штампами, выражения почти не сходят со страниц эмигрантских изданий, являются актуальнейшей темой политических семинаров и конференций.

При помощи антикоммунистической пропаганды идеологи реакционной верхушки эмиграции пытаются решить две взаимосвязанные задачи - на основе национализма оторвать латышский народ от других народов советской страны и от марксизма-ленинизма и одновременно сблизить с реакционными кругами эмиграции для последующего навязывания ему буржуазной идеологии.

Поэтому национализм, пропагандируемый эмигрантскими деятелями, отличается ярко выраженная антисоветская и анти-русская направленность. Будучи не в силах противопоставить что-либо успехам ленинской политики дружбы народов в СССР, идеологи латышского буржуазного национализма прибегают к фальсификациям и клевете.

Эмигрантская пропаганда усиленно проповедует мысль о прибалтийских народах как народах западной культуры, что делается с явной целью посеять у народов Прибалтики ядовитые зерна культурной отчужденности от других народов Советского Союза, русского в первую очередь.

Здесь прослеживается прямая аналогия с абсурдными утверждениями Э.Ежезинского и С.Хантингтона о том, что якобы "большинство восточноевропейских народов питали к русским традиционную антипатию" /30, с. 368/.

В реакционных эмигрантских изданиях особенно акцентируются избитые положения идеологов антикоммунизма о якобы имеющем в нашей стране место русификаторстве, создании

в рамках советского государства единой нации на русской основе. Такие измышления преследуют не только антисоветские цели. Буржуазно-националистические идеологи этим стараются и успокоить эмигрантов, которым реально угрожает ассимиляция.

Как справедливо пишет И.Иверт в своей книге "Союз нерушимый республик свободных" русификацией называли шовинистическую политику царского самодержавия, которая ограничивала национальные языки и школы, навязывала насильственным путем нерусскому населению Российской империи русский язык и царских чиновников /35, 297 стр./ . Идеологи реакционной эмиграции пытаются клеветнически отождествлять национальную политику советского государства с колониальной политикой царизма. Покорение молодежи целины, братская помощь пострадавшему от землетрясения Ташкенту, работа студентов в строительных отрядах за пределами республики истолковывается буржуазными националистами как замаскированное принудительное расселение латышской молодежи с целью ее "обрусения". В эмигрантской прессе часто повторяется утверждение, согласно которому окончившим вузы Латвии специально в целях "денационализации", предлагаются более выгодные условия за пределами республики. Один из лидеров эмигрантов в Канаде Г.Брикманис пророчествовал в 1965 году: "Уже в ближайшие 10 лет произойдет стопроцентное обрусение латышского народа". Тогда же эмигрантская пресса уверяла своих несведомленных читателей, что "в школах Латвии латышский язык - это, главным образом, учебный предмет, а не язык, на котором ведется обучение".

Несколько позже, в 1967 году, Андриевс Намсонс, редактор издаваемого в ФРГ и претендующего на наукообразность и объективность ежегодника "Acta Baltica" пугал своих читателей самым им выдуманными "фактами", что в Советском Союзе за 50 лет якобы уничтожено 99 наций, и та же судьба ждет эстонцев, латышей и литовцев, которых ... решено уничтожить как нации". Комментарии излишни.

Буржуазные националисты в своей пропаганде используют прием механического расчленения и противопоставления двух тесно связанных между собой процессов - расцвета и сближения наций, а сближение представляют в свою очередь как русификацию.

Утверждение об обрусении латышской нации звучит все неправдоподобней даже для эмигрантов латышского происхождения, многие из которых уже успели побывать в Советской Латвии. Но что еще важнее, эмигрантские вожаки начинают понимать, что оно не найдет никакого отклика у латышского народа, испытывающего законную гордость за свои успехи в науке, социалистической культуре, народном хозяйстве, чувствующего себя равным среди равных в братской семье народов СССР.

Поэтому в настоящее время они, не отказываясь от своих утверждений о русификации, акцент в своих националистических рассуждениях ставят на "единстве" всех латышей.

Нарочитое затуманивание сущности национального вопроса, стравив национального от социального, абсолютизация национального - таковы те характерные моменты, без которых не обходится почти ни одно выступление лидеров латышской эмиграции. Прямой проповедью идеалистических концепций "народной души" и "единого потока" является заявление одного из нынешних вожаков латышской эмиграции Улдиса Гравы о том, что проявления "национального самосознания - не только определяющий фактор в сохранении... латышского духа, но они могут оказаться и решающей политической силой". Сначала "общие культурные ценности", затем - равные возможности в ведении политической деятельности, потом частная собственность на средства производства - таковы те далеко идущие планы, которые, например, сформулированы и в некоем документе под названием "Новая программа" группы ЛСДРП (1970г.) и вынашиваются буржуазно-националистическим руководством латышской эмиграции. Эта же идея единой "народной души" и всепобеждающей силы национализма доминирует и в

других документах и изданиях реакционных эмигрантских организаций, что свидетельствует об изменениях в тактике их антикоммунистической идеологической деятельности.

Еще совсем недавно (1965-67 гг.) относительно культурной жизни Латвии всецело распространялось мнение, что "там ничего ценного не создается". Даже более того, выдвигалась мысль, что только латыши-эмигранты способны развивать и хранить латышскую культуру. Высказывания же о том, что именно в Латвии развивается латышская культура, а эмигрантская культура без связей с родиной клонится к упадку, звучали сравнительно робко и редко. Этот более реальный, не ослепленный патологической ненавистью ко всему советскому, взгляд пропагандировали только представители среднего и, главным образом, молодого поколения, выросшего в эмиграции. Мысль о "единой латышской нации", "единой латышской культуре", которая якобы формируется на равноправных принципах проявления "латышского духа" в изданиях и выступлениях деятелей латышской эмиграции стала навязчиво проводиться только в конце 60-х начала 70-х годов.

Характерно, что мировоззрение, политическое убеждение объявляются при этом якобы делом второстепенным. Это тоже тактический прием. "Пора кончать мыслить только в двух замкнутых категориях. Вещи надо рассматривать в широкой, охватывающей жизнь всего народа перспективе", - призывает, например, буклетень группы Б.Калныня. Политический вред и теоретическая несостоятельность этого тезиса очевидны.

"Никакой "единой культуры" нет и не будет у членов общества, которые представляют два противоположных антогонистических класса. Латышская культура вот уже тридцать лет полностью формируется на прогрессивной основе, выражает идеи коммунизма", - такая ленинская партийная оценка теории "единой культуры" была дана секретарем ЦК КПЛ тов. Дризулом на съезде писателей Латвии /39/.

И эти спекуляции идеологов буржуазно-националисти-

ческих кругов латышской эмиграции на национализме в реализации их антикоммунистических планов обречены на провал.

Империалистическая пропаганда много усилий направляет также и на фабрикации измышлений о социалистической демократии и прославление "свобод" буржуазного мира. "Вопросы демократии, как известно, находятся ныне в центре идеологической борьбы между миром социализма и миром капитализма", - отмечал Л.И.Брежнев в Отчетном докладе XXIV съезду партии /2, с.82/.

Буржуазные идеологи с помощью различных пропагандистских приемов пытаются создать представление о социализме как об антидемократической системе. Извращая существо социалистической демократии, главные свои удары они направляют в первую очередь против КПСС как руководящей, направляющей силы советского общества. То же самое делают и идеологи реакционной верхушки латышских эмигрантов.

Буржуазия и ее идеологи, будучи врагами трудового народа, всегда всеми силами боролись против коммунистической партии, марксизма-ленинизма и социалистического общества. Они и сегодня остаются на своих классовых буржуазных позициях, на позициях антикоммунизма.

Коммунистическая партия Латвии во все времена была главным противником латышской буржуазии и ее прислужников. Ведь она имеет глубокие корни в народе и всегда защищала и защищает его интересы. Коммунистическая партия Латвии руководила борьбой трудящихся против царизма и буржуазии уже во время революций 1905 и 1917 годов. Под ее руководством на сторону большевиков перешли более 40 тысяч латышских стрелков, которые на фронтах гражданской войны выполняли самые ответственные задания партии. Коммунистическая партия Латвии 20 лет, будучи в подполье, руководила борьбой трудящихся за восстановление Советской власти, она возглавила социалистическую революцию 1940 года в Латвии и борьбу против фашистских оккупантов и предателей во время Великой Отечественной войны. Именно под руководством комму-

нистической партии трудящиеся нашей республики построили социализм и добиваются все новых успехов в строительстве коммунизма.

Поэтому хорошо понятна та злоба и изощренность, с какой идеологи буржуазно-националистической верхушки эмиграции нападают на КПСС.

Фальсификация истории и политики КПСС всегда была на одном из первых мест у реакционных идеологов латышской эмиграции. Но в последние годы заметно усилился их "интерес" к таким вопросам как руководящая роль КПСС, социальный состав партийных рядов и взаимоотношения коммунистической партии с другими общественными организациями трудящихся.

Преследуя цель оторвать народные массы от их авторитетного руководителя - коммунистической партии и посеять недоверие к коммунистам среди эмигрантов в капиталистических странах они идут на любые измышления и фальсификации.

Буржуазным идеологам, а также ревизионистам и оппортунистам не дает покоя сплоченность и организованность КПСС, дисциплина ее членов. Коммунистическая партия может выполнять роль политического руководителя, только уделяя большое внимание качественному составу вновь принимаемых членов и его дальнейшему улучшению, путем индивидуального отбора лучших представителей рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции. Коммунист должен не только признавать ее Программу и Устав, но и активно участвовать в борьбе за коммунизм, показывать пример в выполнении классового долга. Партия всегда борется за чистоту своих рядов и в случае необходимости освобождается от людей, нарушающих Программу и Устав КПСС.

Конечно, наши противники желали бы видеть коммунистическую партию аморфным, недееспособным организмом. Поэтому неудивительно, что порядок приема в партию вызывает нападки и упреки в том, что "партия не открыта для всех желающих", т.е. они "жалуются" на то, что не в силах уху-

шить состав нашей партии.

Толкуя все на свой лад, они выдают порядок приема в партию за "создание аппарата по рекомендации родственников, друзей, ... даже своего рода наследование".

Нелепость таких утверждений об организации, постоянно растущей за счет всех слоев советского народа, очевидна. Рассчитаны они в данном случае на слабо информированного, а точнее дезинформированного, западного читателя.

В этих же целях буржуазные идеологи, например, А. Инкелес, Р. А. Бауэр, А. Мейер, Л. Шапиро и другие оспаривают народный характер партии. Как правило, ими делается ссылка на состав партии. Эти советологи в своих работах проводят тезис о том, что в партию "имеют доступ избранные" / 20, с. 125/.

В таком же духе выступает уже не раз упоминавшийся нами Б. Калыньш, который особенно специализируется в извращении места и роли КПСС в советском обществе, принципах ее политического руководства общественным развитием. Он говорит о "партии меньшинства", о партии "избранных", о "партии господ", о "новом классе" и т.д.

Латышские буржуазные националисты берут также на вооружение распространенные на Западе обвинения в "элитизме". Концепция "элитизма" заключает в себе противопоставления коммунистов как "элиты" всем некоммунистам - "массе" и коммунистов-руководителей - рядовым членам партии.

Выдвигается и концепция "элиты руководителей". Так, бывший американский дипломат Ч. Тейер в книге "Россия" пишет: "Современная советская элита состоит из высших промышленных служащих и директоров предприятий, ведущих инженеров, высших армейских офицеров, популярных писателей и артистов, университетских профессоров и академиков" / 25, с. 100/. Аналогичные утверждения находим мы у Б. Калынья и других идеологов эмиграции, скрупулезно подсчитывающих численность "нового сверхкласса", которыми оказываются руководители организаций, предприятий, строек, сов-

Хозов.

Все эти утверждения "советологов" и реакционных эмигрантов являются клеветой, продиктованной их страстным стремлением выдать желаемое за действительное. Все утверждения о "кастовости" партии и т.д. при сравнении с данными о действительном составе партии выглядят абсурдными.

В Коммунистической партии Советского Союза 15 миллионов человек. В 1959 году число коммунистов в целом по стране составило 6,35 % к численности населения в возрасте 18 лет и старше, т.е. в возрасте, необходимом для принятия в партию, а в 1971 году члены КПСС составляли 9 % взрослого населения страны /2, с. 92/. Эти цифры неопровержимо доказывают действительную массовость нашей партии, отсутствие какой-либо замкнутости. Это подтверждается и данным по Латвийской ССР. По нашим подсчетам, коммунисты в 1970 году составляли 7,26% населения нашей республики в возрасте старше 19 лет /46/.

За период с 1960 по 1970 год численность Компартии Латвии в абсолютном и процентном исчислении характеризуется следующими данными /II, сс.120, 136, 153, 180/.

Таблица № I

Рост рядов КП Латвии

Г о д ы	Численность коммунистов	Прирост к 1960 году	
		абсолютный	в %/о
1960	65.947		
1963	81.986	16.039	24,3
1966	102.806	36.859	54,3
1971	127.753	61.806	93,2

Как видно из таблицы, происходит непрерывный и быстрый рост количества коммунистов в нашей республике.

О надуманности, необоснованности утверждений наших идейных противников красноречиво говорят данные о

социальном составе партии /2, с.92; II, с.180/.

Таблица № 2

Социальный состав КПСС и КП Латвии
(на начало 1971 года)

Всего членов и кандидатов в члены партии	Рабочие %	Колхозники %	Служащие %
КПСС - 14.455.321	40,1	15,1	44,8
КП Латвии- 133.621	37,5	14,6	47,9

Утверждения буржуазных идеологов опровергаются и данными о том, где работают коммунисты. Например, в Латвийской ССР 57 тысяч коммунистов работают в промышленности, строительстве, связи и на транспорте, более 24 тысяч были заняты в сельском хозяйстве, а 18 тысяч трудятся в учреждениях науки, культуры, просвещения и здравоохранения (1971 г.) /II, с.182-183/. Процент рабочих и колхозников среди всех принятых в партию также не подтверждает их концепций. Данные о социальном составе принятых в ряды коммунистической партии за последние годы говорят о том, что ведущее место в социальном составе партии сохраняется за рабочим классом. Об этом свидетельствует и социальный состав принятых в КП Латвии в последние годы /Ю, с.12/.

Таблица № 3

Социальный состав принятых в КП Латвии

Г о д	Рабочие	Крестьяне колхозники	Служащие
	" %	%	%
1968	41,7	14,3	44,0
1969	42,8	14,6	42,6
1970	45,7	13,2	41,1

Следует отметить, что в общем числе служащих, вступивших в партию в период между XX и XXI съездом КП Латвии,

около 80 % составляет инженерно-техническая интеллигенция и специалисты разных отраслей народного хозяйства. Кроме того, факты неопровержимо свидетельствуют, что партия выдвигает руководителей для всех участков коммунистического строительства из гущи народа, из пользующихся авторитетом рабочих, колхозников и интеллигентов /2, сс.98, 99/.

Приведенные данные доказывают абсурдность голо - словных утверждений "советологов" и реакционных идеологов буржуазно-националистических кругов латышской эмиграции.

Утверждения такого рода преследуют цель подорвать у советских людей веру в коммунистическую партию, оклеветать руководителей партийных, хозяйственных и общественных организаций, подорвать социально-политическое единство советского общества.

В целях подрыва руководящей роли партии и реставрации капитализма антикоммунисты обвиняют нашу страну в "тоталитаризме". Применение понятия "тоталитаризма" к советской системе - один из распространенных приемов анти - коммунизма. Идеологи латышской эмиграции также внушают своим читателям и слушателям мысль о советской политической системе как тоталитарной. Например, эмигрантский историк У.Германис в своих работах ищет "сходство" советского строя с... национал-социализмом (?!).

Обвинения в тоталитаризме особенно часто "подкрепляются" ссылками на однопартийность в СССР, что, по мнению буржуазных идеологов, означает "подавление демократии". При этом антикоммунисты извращают как историю возникновения однопартийной системы в СССР, так и ее сущность. Настойчивые советы антикоммунистов "демократизировать" политическую организацию СССР путем создания многопартийной системы на деле преследуют подрывную цель - в условиях отсутствия какой-либо социальной базы создать буржуазные партии с их идеологическим аппаратом и т.д.

Подлинным критерием демократизма общества является не двухпартийность или многопартийность, а способность

политической системы общества выражать и осуществлять на деле коренные интересы трудящихся масс, большинства народа.

Тем же целям что и обвинения в "тоталитаризме" служит и концепция плюрализма (множественности объединений) в социально-политической структуре общества. Эта концепция сейчас становится особенно модной в буржуазной литературе после неудавшейся контрреволюции в Чехословакии в 1968 году. Пропаганду идей плюрализма в эмигрантской прессе и особенно в радиопередачах на Латвию усиленно восхваляет и один из ведущих редакторов этих передач В.Скутан, заявляя, что плюрализм якобы "является одним из основополагающих принципов современной демократии". А Бруно Калныньш даже специально подчеркивает большое сходство ревизионистских реформ, осуществлявшихся в 1968 году в Чехословакии, и требований своей новой программы. В качестве альтернативы эта программа выдвигает "систему нескольких партий" (в том числе антисоциалистических), а в области хозяйственной - восстановление частной собственности и "соревнование" между государственными, кооперативными и частными предприятиями, которое должно бы привести к восстановлению господства буржуазии.

Все разглагольствования о концепции плюрализма преследуют главную цель - борьбу против руководящей роли Коммунистической партии, против всей политической системы социалистического общества. Для этого требуют, чтобы объединения эксплуататоров были бы равноценны и равноправны с объединениями трудящихся. И это в условиях социализма, когда больше нет эксплуататоров! Далее проповедники плюрализма утверждают, что ни одно объединение не имеет "права" говорить от имени всего народа и, исходя из этого, в целях реставрации капитализма под видом развития демократии требуют ликвидировать руководящую роль Коммунистической партии. Эта концепция, наряженная в яркие одежды из слов "демократия", "свобода", "равноправие", оказалась

очень удобной для антикоммунистических идеологов разных оттенков.

Ополчение на классовый подход коммунистов к понятию "свобода", спекуляция понятиями "свобода" и "демократия" - старый прием противников социализма. Еще В.И. Ленин разоблачал и резко бичевал их: "Слово "свобода" - хорошее слово; на каждом шагу "свобода": свобода торговать, продавать, процветать и т.д. И находятся меньшевики и эсеры, жулики, которые это прекрасное слово "свобода" склоняют и спрягают в каждой газете и речи; но все это сплошь обманщики, проститутки капитализма, которые тащат народ назад" /I, с. 64/. Слова эти звучат актуально и сегодня по отношению к лидерам латышской эмиграции.

Таким образом из анализа некоторых направлений антикоммунистической идеологической деятельности буржуазно-националистических кругов латышской эмиграции видно, что они неоригинальны в своих нападках на социалистический строй в Латвии, в фальсификации существа происшедших в республике за годы Советской власти коренных социальных преобразований. Буржуазно-националистические идеологи латышской эмиграции преднамеренно извращают природу происшедших изменений в Латвии, спекулируют на известных противоречиях и трудностях социалистического строительства, что характерно для современного антикоммунизма в целом. Империалистическая пропаганда использует эмигрантов из СССР, латышскую реакционную эмиграцию в том числе, в целях более эффективного воздействия на различные группы населения внутри нашей страны. Буржуазно-националистическая часть латышской эмиграции выступает в данном случае как рупор антикоммунистических идей.

В последние годы в их пропаганде наблюдаются некоторые изменения в тактике, хотя стратегические цели остаются прежними. Переход от примитивного и оголтелого антисоветизма фашистского толка к замаскированному "социалистической" и "демократической" фразеологией - характер-

ное явление для всего лагеря антикоммунизма. На позициях идеологов латышской эмиграции, несомненно, сказывается эта общая эволюция антикоммунизма. Хотя еще нередко вожаки латышской эмиграции идут дальше главной линии империалистической пропаганды, которая ведет речи лишь об "улучшении", "демократизации социализма", и открыто призывают к реставрации капитализма.

Чтобы успешно бороться против попыток реакционной эмиграции воздействовать на отдельные слои населения республики (в частности путем разжигания националистических настроений), нужно внимательно следить за новейшими приемами всей современной буржуазной пропаганды, разоблачать прямую связь националистической эмиграции с ведущими идеологами антикоммунизма.

Использованная литература и примечания

1. Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти. Полн.собр.соч. Изд. 5-е. Т. 38.
2. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
3. Брежнев Л.И. Выступление по западногерманскому телевидению. - "Правда", 1973, 22 мая.
4. Восс А. Отчетный доклад ЦК XX съезду КП Латвии. - "Советская Латвия", 1971, 26 февр.
5. Восс А. Некоторые вопросы идеологической работы парторганизаций. - "Коммунист Советской Латвии", 1968, № 10.
6. Восс А. "Под ленинским знаменем великой всепобеждающей дружбы народов". - "Советская Латвия", 1972, 15 дек.
7. Калиберзин Я. Крепкие корни. - "Известия", 1965, 16 июля.
8. Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970.
9. Горис А. Латышские буржуазно-националистические эмигранты - орудие антикоммунистической политики империалистической реакции.

- В кн.: Антикоммунизм - орудие империалистической реакции. М., 1967; Килис А. О некоторых методах идеологической диверсии буржуазии и борьбе против них (на лат.яз.). - В кн.: Проблемы формирования научного мировоззрения. Рига, 1967.
10. Коммунистическая партия Латвии в цифрах. - "Коммунист Советской Латвии", 1971, № 2.
11. Коммунистическая партия Латвии в цифрах (1904-1971гг). Рига, 1972.
12. Кривогуз И.М. Несостоятельность социал-реформистской концепции развития современного рабочего движения. - "Вопросы истории КПСС", 1973, № 1.
13. Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972.
14. Ленинизм и борьба против буржуазной идеологии и антикоммунизма на современном этапе. М., 1970.
15. Михлина В. Начало биографии коммуниста. - "Коммунист Советской Латвии", 1966, № 2.
16. Мурниец Э. На пути к социальной однородности. - "Коммунист Советской Латвии", 1972, № 7.
17. Народное хозяйство Латвийской ССР в 1970 году. Рига, 1972.
18. Народное хозяйство Латвийской ССР в 1971 году. Рига, 1972.
19. Новопашин Ю. Стратегия "мирного вмешательства". М., 1972.
20. Перфильев М.Н. Критика буржуазных теорий о советской политической системе. Л., 1968.
21. Против буржуазных фальсификаций истории и политики КПСС. М., 1970.
22. Шарапов Г.В. Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. М., 1966.
23. Шмелев Г.И. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971.
24. "Известия", 1973, 8 авг.

25. "Международная жизнь", 1970, № 6.
26. Приведенные здесь и далее цитаты, отражающие точку зрения латышских буржуазных эмигрантов, цитируются по изданиям реакционной эмиграции.
27. Avotiņš E., Dzirkalis J., Pētersons V. Kas ir Daugavas Vanagi. R., 1962.
28. Barghoorn Fr. C. The Soviet Image of the United States. New-York, 1950.
29. Brzezinski Z. Ideology and Power in Soviet Politics. London, 1962.
30. Brzezinski Z., Huntington S. Political Power: USA - USSR. New-York, 1964.
31. Atbilde apmelotājiem. - "Cīņa", 1972, 24. febr.
32. Dzirkalis J. Kāpēc viņi bēga? (Patiesība par Latviešu Nacionālo fondu Zviedrijā). R., 1965.
33. Eiduss Z. Inde un pretinde. Piezīmes par cīņu pret antikomunismu. R., 1973.
34. Ievkalns R. LSDSP. Partija vai burtu kopa? R., 1973.
35. Īvertis I. Brīva un varena republikasme. R., 1972.
36. Jērāns P. Uzmanību! Ēterā antikomunisms. R., 1972.
37. Kolarz W. Communism and colonialism. London-New-York, 1964.
38. Latvijas PSR Mazā enciklopēdija. I sēj. R., 1967, 473. lpp.
39. "Literatūra un Māksla", 1971, 29. maijā.
40. "Osteuropa", 1965, Nr. 6.
41. Pasaules vēsture. IV sēj., R., 1930.

42. Raškevics A. Viņu īstā seja. R., 1960.
43. Silabriedis J., Arklāns B. "Politiskie bēgļi" bez maskas. R., 1963.
44. Soviet Nationality Problems. New-York, 1971.
45. Основоположниками консервативной концепции являются русские белоэмигранты С.Прокопович, А.Керенский, В.Чернов и др., у которых ее и позаимствовали многие американские, английские, западногерманские и французские историки и экономисты (Х.Динерштейн, Д.Митрани, Л.Шапиро и др.).
46. Подсчеты произведены на основе таблицы распределения населения ЛССР по возрасту и данных о численности КП Латвии в 1970 году.

Содержание

I	Предисловие	2
✓2	Я.Вейш. Кому служит "религиозная война" в Ольстере	3
✓3	О.Потреки. Некоторые аспекты государственно-монополистического регулирования социально-экономических отношений в ФРГ	21
4 ✓	А.Клаус. Эволюция экономической политики государства в ФРГ и буржуазные экономические теории	45
5 ✓	О.Скудра. Организация буржуазного политического воздействия на народные массы в ФРГ	68
6 ✓	П.Озолинь. О деятельности "Прибалтийского общества" в Федеративной республике Германии	80
7 ✓	Ф.Раевская. Некоторые направления антикоммунистической деятельности буржуазно-националистических кругов латышской эмиграции	100